

ВСЕМИРНАЯ БИБЛИОТЕКА ПОЭЗИИ

МАРИНА
ЦВЕТАЕВА

Список школьной литературы 10-11 класс

Марина Цветаева

Полное собрание стихотворений

«Public Domain»

Цветаева М. И.

Полное собрание стихотворений / М. И. Цветаева — «Public Domain», — (Список школьной литературы 10-11 класс)

Марина Цветаева однажды сравнила себя с деревом, в которое попадают все молнии. Многолетняя разлука с Россией, бедность и тяжкий «стопудовый быт». Одиночество – что в эмиграции, что «дома», куда по трагическому стечению обстоятельств ей выпало вернуться в эпоху «большого террора» и пережить арест мужа и дочери, которых она больше никогда не увидела. Но несмотря на все пережитое, стихи Цветаевой, по словам одного критика, "излучают любовь и любовью пронизаны... рвутся к миру и как бы пытаются заключить весь мир в объятия ". Так осуществилась ее мечта – стать деревом, шумящим вам навстречу.

Содержание

Стихотворения 1906 – 1916 гг.	11
“Не смейтесь вы над юным поколением...”	11
Маме	12
(Отрывок)	13
“Проснулась улица. Глядит, усталая...”	14
Лесное царство	15
В зале	16
Мирок	17
“Месяц высокий над городом лег...”	18
В Кремле	19
У гробика	21
Последнее слово	22
Эпитафия	23
На земле	23
В земле	23
Над землей	23
Даме с камелиями	24
Жертвам школьных сумерок	25
Сереже	26
Дортуар весной	27
Первое путешествие	28
Второе путешествие	30
Летом	31
Самоубийство	32
Вокзальный силуэт	33
«Как простор наших горестных нив...»	34
Нине	35
В Париже	36
В Шенбрунне	37
Камерата	39
Расставание	40
Молитва	41
Колдунья	42
Асе	43
<Шуточное стихотворение>	44
Шарманка весной	45
Людовик XVII	47
На скалах	48
Дама в голубом	49
В Ouchy	50
Акварель	51
Сказочный Шварцвальд	52
Как мы читали “Lichtenstein”	53
Наши царства	54
Отъезд	55
Книги в красном переплете	56

Инцидент за супом	57
Мама за книгой	58
Пробуждение	59
Утомление	60
Баловство	61
Лучший союз	62
Сара в версальском монастыре	63
Маленький паж	64
Die stille strasse	65
Встреча	66
Новолунье	67
Эпитафия	68
В люксембургском саду	69
В сумерках	70
Эльфочка в зале	71
Памяти Нины Джаваха	72
Пленница	73
Сестры	74
На прощанье	75
Следующей	76
Perpetuum mobile[10]	77
Следующему	78
Мама в саду	79
Мама на лугу	80
Луч серебристый	81
Втроем	82
Ошибка	83
Мука и мука	84
Каток растаял	85
Встреча	86
Бывшему чародею	87
Чародею	88
В чужой лагерь	89
Анжелика	90
Добрый колдун	91
Потомок шведских королей	92
Недоумение	93
Обреченная	94
“На солнце, на ветер, на вольный простор...”	95
От четырех до семи	96
Волей луны	97
Rouge et bleue[12]	98
Столовая	99
Пасха в апреле	100
Сказки Соловьева	101
Картинка с конфеты	102
Ricordo di Tivoli[13]	103
У кровати	104
Три поцелуя	105

Два в квадрате	106
Связь через сны	107
“Не гони мою память! Лазурны края...”	108
Привет из вагона	109
Зеленое ожерелье	110
“Наши души, не правда ль, еще не привыкли к разлуке...”	111
Кроме любви	112
Плохое оправданье	113
Предсказанье	114
Оба луча	115
Детская	116
Разные дети	117
Наша зала	118
“По тебе тоскует наша зала...”	119
“Ваши белые могилки рядом...”	120
“Прости” Нине	121
Ее слова	122
Надпись в альбом	123
Сердца и души	124
Зимой	125
Так будет	126
Правда	127
Стук в дверь	128
Счастье	129
Невестам мудрецов	130
Еще молитва	131
Осужденные	132
Из сказки в жизнь	133
В зеркале книги м. Д.-В.	134
Эстеты	135
Они и мы	136
“Безнадёжно-взрослый Вы? О, нет...”	137
Маме	138
В субботу	139
“Курлык”	140
После праздника	141
В классе	142
На бульваре	143
Совет	144
Мальчик с розой	145
Колыбельная песня Асе	146
Подрастающей	147
Волшебник	148
Первая роза	149
Исповедь	150
Девочка-смерть	151
Мальчик-бред	152
Принц и лебеди	153
За книгами	154

Неравные братья	155
Скучные игры	156
Мятежники	157
Живая цепочка	158
Баярд	159
Мама на даче	160
Жар-птица	161
“Так”	163
Молитва в столовой	164
“Мы с тобою лишь два отголоска...”	165
Юнге	166
Очаг мудреца	167
Путь креста	168
Памятью сердца	169
Добрый путь!	170
Победа	171
В раю	172
Ни здесь, ни там	173
Последняя встреча	174
На заре	175
“И как прежде оне улыбались...”	176
Эпилог	177
Не в нашей власти	178
Распятие	179
Привет из башни	180
Резеда и роза	181
Итог дня	182
Молитва лодки	183
Призрак царевны	184
Письмо на розовой бумаге	185
Два исхода	186
1. “Со мной в ночи шептались тени...”	186
2. “С тобой в ночи шептались тени...”	186
На концерте	187
Зимняя сказка	188
“И уж опять они в полуистоме...”	189
Декабрьская сказка	190
Под новый год	191
Угольки	192
Дикая воля	193
Гимназистка	194
Тройственный союз	195
Поклонник Байрона	196
“Он был синеглазый и рыжий...”	197
Под дождем	198
После чтения “Les rencontres de m. De Breot” Regner[16]	199
Декабрь и январь	200
Слезы	201
Aeternum vale[17]	202

Детский юг	203
Только девочка	204
Тверская	205
В пятнадцать лет	206
Облачко	207
Розовый домик	208
До первой звезды	209
Барабан	210
В. Я. Брюсову	211
Кошки	212
Молитва морю	213
Жажда	214
Душа и имя	215
Волшебство	216
На возу	217
Вождам	218
Июль – апрелю	219
Весна в вагоне	220
В сквере	221
После гостей	222
Конец сказки	223
Болезнь	224
В сонном царстве	225
Бабушкин внучек	226
Венера	227
1. “В небо ручонками тянется...”	227
2. “Ах, недаром лучше хлеба...”	227
Контрабандисты и бандиты	228
Рождественская дама	229
Белоснежка	230
Детский день	231
Приезд	232
Паром	233
Осень в Тарусе	234
Ока	235
1. “Волшебство немецкой феерии...”	235
2. “Ах, золотые деньки...”	235
3. “Все у Боженьки – сердце! Для Бога...”	235
4. “Бежит тропинка с бугорка...”	236
5. “В светлом платице, давно-знакомом...”	236
На радость	238
Герцог Рейхштадтский	239
Зима	240
Розовая юность	241
Полночь	242
Неразлучной в дорогу	243
Бонапартисты	244
Конькобежцы	245
Первый бал	246

Старуха	247
Домики старой Москвы	248
“Прости” волшебному дому	249
На вокзале	250
Из сказки – в сказку	251
Литературным прокурорам	252
В. Я. Брюсову	253
“Он приблизился, крылатый...”	254
“Посвящаю эти строки...”	255
“Идешь, на меня похожий...”	256
“Моим стихам, написанным так рано...”	257
“Солнцем жилки налиты – не кровью...”	258
“Вы, идущие мимо меня...”	259
“Сердце, пламени капризней...”	260
“Мальчиком, бегущим резво...”	261
“Я сейчас лежу ничком...”	262
“Идите же! – Мой голос нем...”	263
Асе	264
1. “Мы быстры и наготове...”	264
2. “Мы – весенняя одежда...”	264
Сергею Эфрон-Дурново	266
1. “Есть такие голоса...”	266
2. “Как водоросли Ваши члены...”	266
Байрону	268
Встреча с Пушкиным	269
Аля	271
“Уж сколько их упало в эту бездну...”	273
“Быть нежной, бешеной и шумной...”	275
Генералам двенадцатого года	277
“Вы, чьи широкие шинели...”	277
“Ах, на гравюре полустертой...”	277
В ответ на стихотворение	279
“Ты, чьи сны еще непробудны...”	280
Восклицательный знак	281
“Взгляните внимательно и если возможно – нежнее...”	282
“В тяжелой мантии торжественных обрядов...”	283
“Вы родились певцом и пажем...”	284
“Макс Волошин первый был...”	285
“В огромном липовом саду...”	286
“О, где Вы, где Вы, нежный граф...”	287
“О день без страсти и без дум...”	287
“Над Феодосией угас...”	288
С. Э.	289
АЛЕ	290
1. “Ты будешь невинной, тонкой...”	290
2. “Да, я тебя уже ревную...”	290
П. Э.	292
1. “День августовский тихо таял...”	292
“Пусть с юностью уносят годы...”	292

“И было сразу обаянье...”	293
“Потерянно, совсем без цели...”	294
2. “Прибой курчавился у скал...”	294
3. Его дочке	295
4. “Война, война! – Кажденья у киотов...”	296
5. “При жизни Вы его любили...”	296
6. “Осыпались листья над Вашей могилой...”	297
7. “Милый друг, ушедший дальше, чем за море...”	298
“Не думаю, не жалею, не спорю...”	300
“Я видела Вас три раза...”	301
Бабушке	302
Подруга	303
1. “Вы счастливы? – Не скажете! Едва ли...”	303
2. “Под лаской плюшевого пледа...”	303
3. “Сегодня таяло, сегодня...”	304
4. “Вам одеваться было лень...”	305
5. “Сегодня, часу в восьмом...”	305
6. “Ночью над кофейной гущей...”	306
7. “Как весело сиял снежинками...”	306
Конец ознакомительного фрагмента.	307

Марина Цветаева

Полное собрание стихотворений

Стихотворения 1906 – 1916 гг.

“Не смейтесь вы над юным поколеньем...”

Не смейтесь вы над юным поколеньем!
Вы не поймете никогда,
Как можно жить одним стремленьем,
Лишь жаждой воли и добра...

Вы не поймете, как пылает
Отвагой бранной грудь бойца,
Как свято отрок умирает,
Девизу верный до конца!

.....

Так не зовите их домой
И не мешайте их стремленьям, —
Ведь каждый из бойцов – герой!
Гордитесь юным поколеньем!
<1906>

Маме

В старом вальсе штраусовском впервые
Мы услышали твой тихий зов,
С той поры нам чужды все живые
И отраден беглый бой часов.

Мы, как ты, приветствуем закаты,
Упиваясь близостью конца.
Все, чем в лучший вечер мы богаты,
Нам тобою вложено в сердца.

К детским снам клонясь неумоимо,
(Без тебя лишь месяц в них глядел!)
Ты вела своих малюток мимо
Горькой жизни помыслов и дел.

С ранних лет нам близок, кто печален,
Скучен смех и чужд домашний кров...
Наш корабль не в добрый миг отчален
И плывет по воле всех ветров!

Все бледней лазурный остров – детство,
Мы одни на палубе стоим.
Видно грусть оставила в наследство
Ты, о, мама, девочкам своим!

(Отрывок)

Где-то маятник качался, голоса звучали пьяно.
Преимущество мадеры я доказывал с трудом.
Вдруг заметил я, как в пляске закружились стаканы,
Вызывающе сверкая ослепительным стеклом.

Что вы, дерзкие, кружитесь, ведь настроен я не кротко.
Я поклонник бога Вакха, я отныне сам не свой.
А в соседней зале пели, и покачивалась лодка,
И смыкались с плеском волны над уставшей головой

“Проснулась улица. Глядит, усталая...”

Проснулась улица. Глядит, усталая
Глазами хмурыми немых окон
На лица сонные, от стужи алые,
Что гонят думами упорный сон.
Покрыты инеем деревья черные, —
Следом таинственным забав ночных,
В парче сияющей стоят минорные,
Как будто мертвые среди живых.
Мелькает серое пальто измятое,
Фуражка с венчиком, унылый лик
И руки красные, к ушам прижатые,
И черный фартучек со связкой книг.
Проснулась улица. Глядит, угрюмая
Глазами хмурыми немых окон.
Уснуть, забыться бы с отрадной думою,
Что жизнь нам грезится, а это – сон!

Март 1908

Лесное царство

Асе

Ты – принцесса из царства не светского,
Он – твой рыцарь, готовый на все...
О, как много в вас милого, детского,
Как понятно мне счастье твое!

В светлой чаше берез, где просветами
Голубеет сквозь листья вода,
Хорошо обмениваться ответами,
Хорошо быть принцессой. О, да!

Тихим вечером, медленно тающим,
Там, где сосны, болото и мхи,
Хорошо над костром догорающим
Говорить о закате стихи;

Возвращаться опасной дорогою
С соучастницей вечной – луной,
Быть принцессой лукавой и строгою
Лунной ночью, дорогой лесной.

Наслаждайтесь весенними звонами,
Милый рыцарь, влюбленный, как паж,
И принцесса с глазами зелеными, —
Этот миг, он короткий, но ваш!

Не смущайтесь словами нетвердыми!
Знайте: молодость, ветер – одно!
Вы сошлись и расстанетесь гордыми,
Если чаши завидится дно.

Хорошо быть красивыми, быстрыми
И, кострами дразня темноту,
Любоваться безумными искрами,
И как искры сгореть – на лету!

Таруса, лето 1908

В зале

Над миром вечерних видений
Мы, дети, сегодня цари.
Спускаются длинные тени,
Горят за окном фонари,
Темнеет высокая зала,
Уходят в себя зеркала...
Не медлим! Минута настала!
Уж кто-то идет из угла.
Нас двое над темной роялью
Склонилось, и крадется жуть.
Укутаны маминой шалью,
Бледнеем, не смеем вздохнуть.
Посмотрим, что ныне творится
Под пологом вражеской тьмы?
Темнее, чем прежде, их лица, —
Опять победители мы!
Мы цепи таинственной звенья,
Нам духом в борьбе не упасть,
Последнее близко сражение,
И темных окончится власть.
Мы старших за то презираем,
Что скучны и просты их дни...
Мы знаем, мы многое знаем
Того, что не знают они!

Мирок

Дети – это взгляды глазок боязливых,
Ножек шаловливых по паркету стук,
Дети – это солнце в пасмурных мотивах,
Целый мир гипотез радостных наук.

Вечный беспорядок в золоте колечек,
Ласковых словечек шепот в полусне,
Мирные картинки птичек и овечек,
Что в уютной детской дремлют на стене.

Дети – это вечер, вечер на диване,
Сквозь окно, в тумане, блески фонарей,
Мерный голос сказки о царе Салтане,
О русалках-сестрах сказочных морей.

Дети – это отдых, миг покоя краткий,
Богу у кровати трепетный обет,
Дети – это мира нежные загадки,
И в самих загадках кроется ответ!

“Месяц высокий над городом лег...”

Месяц высокий над городом лег,
Грезили старые зданья...
Голос ваш был безучастно-далек:
– “Хочется спать. До свиданья”.
Были друзья мы иль были враги?
Рук было кратко пожатье,
Сухо звучали по камню шаги
В шорохе длинного платья.
Что-то мелькнуло, – знакомая грусть,
– Старой тоски переливы...
Хочется спать Вам? И спите, и пусть
Сны Ваши будут красивы;
Пусть не мешает анализ больной
Вашей уютной дремоте.
Может быть в жизни Вы тоже покой
Муке пути предпочтете.
Может быть Вас не захватит волна,
Сгубят земные соблазны, —
В этом тумане так смутно видна
Цель, а дороги так разны!
Снами отрадно страдания гнать,
Спящим не ведать стремленья,
Только и светлых надежд им не знать,
Им не видать возрожденья,
Им не сложить за мечту головы, —
Бури – герои достойны!
Буду бороться и плакать, а Вы
Спите спокойно!

В Кремле

Там, где миллионы звезд-лампадок
Горят пред ликом старины,
Где звон вечерний сердцу сладок,
Где башни в небо влюблены;
Там, где в тени воздушных складок
Прозрачно-белы бродят сны —
Я понял смысл былых загадок,
Я стал поверенным луны.

В бреду, с прерывистым дыханьем,
Я все хотел узнать, до дна:
Каким таинственным страданьям
Царица в небе предана
И почему к столетним зданьям
Так нежно льнет, всегда одна...
Что на земле зовут преданьем, —
Мне все поведала луна.

В расшитых шелком покрывалах,
У окон сумрачных дворцов,
Я увидел цариц усталых,
В глазах чьих замер тихий зов.
Я увидел, как в старых сказках,
Мечи, венец и древний герб,
И в чьих-то детских, детских глазках
Тот свет, что льет волшебный серп.

О, сколько глаз из этих окон
Глядели вслед ему с тоской,
И скольких за собой увлек он
Туда, где радость и покой!
Я увидел монахинь бледных,
Земли отверженных детей,
И в их молитвах заповедных
Я уловил пожар страстей.
Я угадал в блужданьи взглядов:
— “Я жить хочу! На что мне Бог?”
И в складках траурных нарядов
К луне идущий, долгий вздох.

Скажи, луна, за что страдали
Они в плену своих светлиц?
Чему в угоду погибали
Рабыни с душами цариц,
Что из глухих опочивален
Рвались в зеленые поля?

– И был луны ответ печален
В стенах угрюмого Кремля.

Осень 1908. Москва

У гробика

Екатерине Павловне Пешковой

Мама светло разукрасила гробик.
Дремлет малютка в воскресном наряде.
Больше не рвутся на лобик
Русые пряди;

Детской головки, выдавшей так мало,
Круглая больше не давит гребенка...
Только о радостном знало
Сердце ребенка.

Век пятилетний так весело прожит:
Много проворные ручки шалили!
Грези, никто не тревожит,
Грези меж лилий...

Ищут цветы к ней поближе местечко,
(Тесно ей кажется в новой кровати).
Знают цветы: золотое сердечко
Было у Кати!

Последнее слово

Л. А. Т.

О, будь печальна, будь прекрасна,
Храни в душе осенний сад!
Пусть будет светел твой закат,
Ты над зарей была не властна.

Такой как ты нельзя обидеть:
Суровый звук – порвется нить!
Не нам судить, не нам винить...
Нельзя за тайну ненавидеть.

В стране несбывшихся гаданий
Живешь одна, от всех вдали.
За счастье жалкое земли
Ты не отдашь своих страданий.

Ведь нашей жизни вся отрада
К бокалу прошлого прильнуть.
Не знаем мы, где верный путь,
И не судить, а плакать надо.

Эпитафия

Л. А. Т.

На земле

– “Забилась в угол, глядишь упрямо...
Скажи, согласна? Мы ждем давно”.
– “Ах, я не знаю. Оставьте, мама!
Оставьте, мама. Мне все равно!”

В земле

– “Не тяжки ль вздохи усталой груди?
В могиле тесной всегда ль темно?”
– “Ах, я не знаю. Оставьте, люди!
Оставьте, люди! Мне все равно!”

Над землей

– “Добро любила ль, всем сердцем, страстно?
Зло – возмущало ль тебя оно?”
– “О Боже правый, со всем согласна!
Я так устала. Мне все равно!”

Даме с камелиями

Все твой путь блестящей залой зла,
Маргарита, осуждают смело.
В чем вина твоя? Грешило тело!
Душу ты – невинной сберегла.

Одному, другому, всем равно,
Всем кивала ты с усмешкой зыбкой.
Этой горестной полуулыбкой
Ты оплакала себя давно.

Кто поймет? Рука поможет чья?
Всех одно пленяет без изъятья!
Вечно ждут раскрытые объятья,
Вечно ждут: “Я жажду! Будь моя!”

День и ночь признаний лживых яд...
День и ночь, и завтра вновь, и снова!
Говорил красноречивей слова
Темный взгляд твой, мученицы взгляд.

Все тесней проклятое кольцо,
Мстит судьба богине полусветской...
Нежный мальчик вдруг с улыбкой детской
Заглянул тебе, грустя, в лицо...

О любовь! Спасает мир – она!
В ней одной спасенье и защита.
Все в любви. Спи с миром, Маргарита...
Все в любви... Любила – спасена!

Жертвам школьных сумерок

Милые, ранние веточки,
Гордость и счастье земли,
Деточки, грустные деточки,
О, почему вы ушли?
Думы смущает заветные
Ваш неслышанный стон.
Сколько-то листья газетные
Кроют безвестных имен!..
Губы, теперь онемелые,
Тихо шепнули: “Не то...”
Смерти довериться, смелые,
Что вас заставило, что?
Ужас ли дум неожиданных,
Душу зажегший вопрос,
Подвигов жажда ль невиданных,
Или предчувствие гроз, —
Спите в покое чарующем!
Смерть хороша – на заре!
Вспомним о вас на пирующем,
Бурно-могучем костре.
– Правы ли на смерть идущие?
Вечно ли будет темно?
Это узнают грядущие,
Нам это знать – не дано.

Сереже

Ты не мог смирить тоску свою,
Победив наш смех, что ранит, жаля.
Догорев, как свечи у рояля,
Всех светлей проснулся ты в раю.

И сказал Христос, отец любви:
“По тебе внизу тоскует мама,
В ней душа грустней пустого храма,
Грустен мир. К себе ее зови”.

С той поры, когда желтеет лес,
Вверх она, сквозь листьев позолоту,
Все глядит, как будто ищет что-то
В синеве темнеющих небес.

И когда осенние цветы
Льнут к земле, как детский взгляд без смеха.
С ярких губ срывается, как эхо,
Тихий стон: “Мой мальчик, это я!”

О, зови, зови сильнее ее!
О земле, где все – одна тревога
И о том, как дивно быть у Бога,
Все скажи, – ведь дети знают все!

Понял ты, что жизнь иль смех, иль бред,
Ты ушел, сомнений не тревожа...
Ты ушел... Ты мудрый был, Сережа!
В мире грусть. У Бога грусти нет!

Дортуар весной

Ане Ланиной

О весенние сны в дортуаре,
О блужданье в раздумье средь спящих,
Звук шагов, как нарочно, скрипящих,
И тоска, и мечты о пожаре.

Неспокойны уснувшие лица,
Газ заботливо кем-то убавлен,
Воздух прян и как будто отравлен,
Дортуар – как большая теплица.

Тихи вздохи. На призрачном свете
Все бледны. От тоски ль ожидания,
Оттого ль, что солгали гаданья,
Но тревожны уснувшие дети.

Косы длинные, а руки так тонки!
Бред внезапный: “От вражеских пушек
Войско турок...” Недвижны иконки,
Что склонились над снегом подушек.

Кто-то плачет во сне, не упрямо...
Так слабы эти детские всхлипы!
Снятся девочке старые липы
И умершая, бледная мама.

Расцветает в душе небылица.
Кто там бродит? Неспящая поздно?
Иль цветок, воскресающий грозно,
Что сгубила весной теплица?

Первое путешествие

“Плывите!” молвила Весна.
Ушла земля, сверкнула пена,
Диван-корабль в озерах сна
Помчал нас к сказке Андерсена.

Какой-то добрый Чародей
Его из вод направил сонных
В страну гигантских орхидей,
Печальных глаз и рощ лимонных.

Мы плыли мимо берегов,
Где зеленеет Пальма Мира,
Где из спокойных жемчугов
Дворцы, а башни из сапфира.

Исчез последний снег зимы,
Нам цвел душистый снег магнолий...
Куда летим? Не знали мы!
Да и к чему? Не все равно ли?

Тянулись гибкие цветы,
Как зачарованные змеи,
Из просветленной темноты
Мигали хитрые пигмеи...

Последний луч давно погас,
В краях последних тучек тая,
Мелькнуло облачко-Пегас,
И рыб воздушных скрылась стая,

И месяц меж стеблей травы
Мелькнул в воде, как круг эмали...
Он был так близок, но, увы —
Его мы в сети не поймали!

Под пестрым зонтиком чудес,
Полны мечтаний затаенных,
Лежали мы и страх исчез
Под взором чьих-то глаз зеленых.

Лилось ручьем на берегах
Вино в хрустальные графины,
Служили нам на двух ногах
Киты и грузные дельфины...

Вдруг – звон! Он здесь! Пощады нет!

То звон часов протяжно-гулок!
Как, это папин кабинет?
Диван? Знакомый переулок?

Уж утро брезжит! Боже мой!
Полу во сне и полу-бдея
По мокрым улицам домой
Мы провожали Чародея.

Второе путешествие

Нет возврата. Уж поздно теперь.
Хоть и страшно, хоть грозный и темный ты,
Отвори нам желанную дверь,
Покажи нам заветные комнаты.
Красен факел у негра в руках,
Реки света струятся зигзагами...
Клеопатра ли там в жемчугах?
Лорелея ли с рейнскими сагами?
Может быть... – отворяй же скорей
Тайным знаком серебряной палочки! —
Там фонтаны из слез матерей?
И в распущенных косах русалочки?
Не горящие жаждой уснуть —
Как несчастны, как жалко-бездомны те!
Дай нам в душу тебе заглянуть
В той лиловой, той облачной комнате!

Летом

– “Ася, поверьте!” и что-то дрожит
В Гришином деланном баше.
Ася лукава и дальше бежит...
Гриша – мечтает об Асе.

Шепчутся листья над ним с ветерком,
Клонятся трепетной нишей...
Гриша глаза вытирает тайком,
Ася – смеется над Гришей!

Самоубийство

Был вечер музыки и ласки,
Все в дачном садике цвело.
Ему в задумчивые глазки
Взглянула мама так светло!
Когда ж в пруду она исчезла
И успокоилась вода,
Он понял – жестом злого жезла
Ее колдун увлек туда.
Рыдала с дальней дачи флейта
В сиянии розовых лучей...
Он понял – прежде был он чей-то,
Теперь же нищий стал, ничей.
Он крикнул: “Мама!”, вновь и снова,
Потом пробрался, как в бреду,
К постельке, не сказав ни слова
О том, что мамочка в пруду.
Хоть над подушкой икона,
Но страшно! – “Ах, вернись домой!”
...Он тихо плакал. Вдруг с балкона
Раздался голос: “Мальчик мой!”

В изящном узеньком конверте
Нашли ее “прости”: “Всегда
Любовь и грусть – сильнее смерти”.
Сильнее смерти... Да, о да!..

Вокзальный силуэт

Не знаю вас и не хочу
Терять, узнав, иллюзий звездных.
С таким лицом и в худших безднах
Бывают преданны лучу.

У всех, отмеченных судьбой,
Такие замкнутые лица.
Вы непрочтенная страница
И, нет, не станете рабой!

С таким лицом рабой? О, нет!
И здесь ошибки нет случайной.
Я знаю: многим будут тайной
Ваш взгляд и тонкий силуэт,

Волос тяжелое кольцо
Из-под наброшенного шарфа
(Вам шла б гитара или арфа)
И ваше бледное лицо.

Я вас не знаю. Может быть
И вы как все любезно-средни...
Пусть так! Пусть это будут бредни!
Ведь только бредней можно жить!

Быть может, день недалеко,
Я все пойму, что неприглядно...
Но ошибаться – так отрадно!
Но ошибиться – так легко!

Слегка за шарф держась рукой,
Там, где свистки гудят с тревогой,
Стояли вы загадкой строгой.
Я буду помнить вас – такой.

Севастополь. Пасха, 1909

«Как простор наших горестных нив...»

Как простор наших горестных нив,
Вы окутаны грустной дымкой;
Вы живете для всех невидимкой,
Слишком много в груди схоронив.

В вас певучий и мерный отлив,
Не сродни вам с людьми поединки,
Вы живете, с кристальностью льдинки
Бесконечную ласковость слив.

Я люблю в вас большие глаза,
Тонкий профиль задумчиво-четкий,
Ожерелье на шее, как четки,
Ваши речи – ни против, ни за...

Из страны утомленной луны
Вы спустились на тоненькой нитке.
Вы, как все самородные слитки,
Так невольно, так гордо скромны.

За отливом приходит прилив,
Тая, льдинки светлее, чем слезки,
Потухают и лунные блески,
Замирает и лучший мотив...

Вы ж останетесь той, что теперь,
На огне затаенном сгорая,
Вы чисты, и далекого рая
Вам откроется светлая дверь!

Нине

К утешениям друга-рояля
Ты ушла от излюбленных книг.
Чей-то шепот в напевах возник,
Беспокоя тебя и печалю.

Те же синие летние дни,
Те же в небе и звезды и тучки...
Ты сомкнула усталые ручки,
И лицо твое, Нина, в тени.

Словно просьбы застенчивой ради,
Повторился последний аккорд.
Чей-то образ из сердца не стерт!..
Все как прежде: портреты, тетради,

Грустных ландышей в вазе цветы,
Там мирок на диване кошачий...
В тихих комнатках маленькой дачи
Все как прежде. Как прежде и ты.

Детский взор твой, что грустно тревожит,
Я из сердца, о нет, не сотру.
Я любила тебя как сестру
И нежнее, и глубже, быть может!

Как сестру, а теперь вдалеке,
Как царевну из грез Андерсена...
Здесь, в Париже, где катится Сена,
Я с тобою, как там, на Оке.

Пусть меж нами молчанья равнина
И запутанность сложных узлов.
Есть напевы, напевы без слов,
О, любимая, дальняя Нина!

В Париже

Дома до звезд, а небо ниже,
Земля в чаду ему близка.
В большом и радостном Париже
Все та же тайная тоска.

Шумны вечерние бульвары,
Последний луч зари угас,
Везде, везде все пары, пары,
Дрожанье губ и дерзость глаз.

Я здесь одна. К стволу каштана
Прильнуть так сладко голове!
И в сердце плачет стих Ростана
Как там, в покинутой Москве.

Париж в ночи мне чужд и жалок,
Дороже сердцу прежний бред!
Иду домой, там грусть фиалок
И чей-то ласковый портрет.

Там чей-то взор печально-братский.
Там нежный профиль на стене.
Rostand и мученик Рейхштадтский
И Сара – все придут во сне!

В большом и радостном Париже
Мне снятся травы, облака,
И дальше смех, и тени ближе,
И боль как прежде глубока.

Париж, июнь 1909

В Шенбрунне

Нежен первый вздох весны,
Ночь тепла, тиха и лунна.
Снова слезы, снова сны
В замке сумрачном Шенбрунна.

Чей-то белый силуэт
Над столом поникнул ниже.
Снова вздохи, снова бред:
“Марсельеза! Трон!.. В Париже...”

Буквы ринулись с страниц,
Строчка-полк. Запели трубы...
Капли падают с ресниц,
“Вновь с тобой я!” шепчут губы.

Лампы тусклый полусвет
Меркнет, ночь зато светлее.
Чей там грозный силуэт
Вырос в глубине аллеи?

...Принц австрийский? Это роль!
Герцог? Сон! В Шенбрунне зимы?
Нет, он маленький король!
– “Император, сын любимый!

Мчимся! Цепи далеки,
Мы свободны. Нету плена.
Видишь, милый, огоньки?
Слышишь всплески? Это Сена!”

Как широк отцовский плащ!
Конь летит, огнем объятый.
“Что рокошет там, меж чащ?
Море, что ли?” – “Сын, – солдаты!”

– “О, отец! Как ты горишь!
Погляди, а там направо, —
Это рай?” – “Мой сын – Париж!”
– “А над ним склонилась?” – “Слава”.

В ярком блеске Тюилери,
Развеваются знамена.
– “Ты страдал! Теперь цари!
Здравствуй, сын Наполеона!”

Барабаны, звуки струн,

Все в цветах... Ликуют дети...
Все спокойно. Спит Шенбрунн.
Кто-то плачет в лунном свете.

Камерата

*“Au moment ou je me disposais a monter l’escalier, voila qu’une fe,
envelopee dans un manteau, me saisit vivement la main et l’embrassa”.*
Prokesh-Osten. “Mes relations avec le duc de Reichstadt”¹

Его любя сильнее, чем брата,
– Любя в нем род, и трон, и кровь, —
О, дочь Элизы, Камерата,
Ты знала, как горит любовь.

Ты вдруг, не венчана обрядом,
Без пенья хора, мирт и лент,
Рука с рукой вошла с ним рядом
В прекраснейшую из легенд.

Благословив его на муку,
Склонившись, как идут к гробам,
Ты, как святыню, принца руку,
Бледнея, поднесла к губам.

И опустились принца веки,
И понял он без слов, в тиши,
Что этим жестом вдруг навеки
Соединились две души.

Что вам Ромео и Джульетта,
Песнь соловья меж темных чаш!
Друг другу вняли – без обета
Мундир как снег и черный плащ.

И вот, великой силой жеста,
Вы стали до скончанья лет
Жених и бледная невеста,
Хоть не был изречен обет.

Стоите: в траурном наряде,
В волнах прически темной – ты,
Он – в ореоле светлых прядей,
И оба дети, и цветы.

Вас не постигнула расплата,
Затем, что в вас – дремала кровь...
О, дочь Элизы, Камерата,
Ты знала, как горит любовь!

¹ “В тот момент, как я собирался подняться по лестнице, какая-то женщина в запахнутом плаще живо схватила меня за руку и поцеловала ее”. Прокеш-Остен. “Мои отношения с герцогом Рейхштадтским” (фр.).

Расставание

Твой конь, как прежде, вихрем скачет
По парку поздней порой...
Но в сердце тень, и сердце плачет,
Мой принц, мой мальчик, мой герой.

Мне шепчет голос без названья:
– “Ах, гнета грезы – не снести!”
Пред вечной тайной расставанья
Прими, о принц, мое прости.

О сыне Божьем эти строфы:
Он, вечно-светел, вечно-юн,
Купил бессмертье днем Голгофы,
Твоей Голгофой был Шенбрунн.

Звучали мне призывом Бога
Твоих крестин колокола...
Я отдала тебе – так много!
Я слишком много отдала!

Теперь мой дух почти спокоен,
Его укором не смущай...
Прощай, тоской сраженный воин,
Орленок раненый, прощай!

Ты был мой бред светло-немудрый,
Ты сон, каких не будет вновь...
Прощай, мой герцог светлокудрый,
Моя великая любовь!

Молитва

Христос и Бог! Я жажду чуда
Теперь, сейчас, в начале дня!
О, дай мне умереть, покуда
Вся жизнь как книга для меня.

Ты мудрый, ты не скажешь строго:
– “Терпи, еще не кончен срок”.
Ты сам мне подал – слишком много!
Я жажду сразу – всех дорог!

Всего хочу: с душой цыгана
Идти под песни на разбой,
За всех страдать под звук органа
И амазонкой мчаться в бой;

Гадать по звездам в черной башне,
Вести детей вперед, сквозь тень...
Чтоб был легендой – день вчерашний,
Чтоб был безумьем – каждый день!

Люблю и крест, и шелк, и каски,
Моя душа мгновений след...
Ты дал мне детство – лучше сказки
И дай мне смерть – в семнадцать лет!

Таруса, 26 сентября 1909

Колдунья

Я – Эва, и страсти мои велики:
Вся жизнь моя страстная дрожь!
Глаза у меня огоньки-угольки,
А волосы спелая рожь,
И тянутся к ним из хлебов васильки.
Загадочный век мой – хорош.

Видал ли ты эльфов в полночную тьму
Сквозь дым лиловатый костра?
Звенящих монет от тебя не возьму, —
Я призрачных эльфов сестра...
А если забросишь колдунью в тюрьму,
То гибель в неволе быстра!

Ты рыцарь, ты смелый, твой голос ручей,
С утеса стремящийся вниз.
От глаз моих темных, от дерзких речей
К невесте любимой вернись!
Я, Эва, как ветер, а ветер – ничей...
Я сон твой. О, рыцарь, проснись!

Аббаты, свершая полночный дозор,
Сказали: “Закрой свою дверь
Безумной колдунье, чьи речи позор.
Колдунья лукава, как зверь!”
– Быть может и правда, но темен мой взор,
Я тайна, а тайному верь!

В чем грех мой? Что в церкви слезам не учусь,
Смеясь наяву и во сне?
Поверь мне: я смехом от боли лечусь,
Но в смехе не радостно мне!
Прощай же, мой рыцарь, я в небо умчусь
Сегодня на лунном коне!

Асе

Гул предвечерний в заре догорающей
В сумерках зимнего дня.
Третий звонок. Торопись, отъезжающий,
Помни меня!
Ждет тебя моря волна изумрудная,
Всплеск голубого весла,
Жить нашей жизнью подпольною, трудною
Ты не смогла.
Что же, иди, коль борьба наша мрачная
В наши ряды не зовет,
Если заманчивей влага прозрачная,
Чаяк серебристых полет!
Солнцу горячему, светлому, жаркому
Ты передай мой привет.
Ставь свой вопрос всему сильному, яркому
Будет ответ!
Гул предвечерний в заре догорающей
В сумерках зимнего дня.
Третий звонок. Торопись, отъезжающий,
Помни меня!

<Шуточное стихотворение>

Придет весна и вновь заглянет
Мне в душу милыми очами,
Опять на сердце легче станет,
Нахлынет счастье – волнами.

Как змейки быстро зазмеятся
Все ручейки вдоль грязных улиц,
Опять захочется смеяться
Над глупым видом сытых курицев.

А сыты курицы – те люди,
Которым дела нет до солнца,
Сидят, как лавочники – пуды
И смотрят в грязное оконце.

Шарманка весной

– “Herr Володя, глядите в тетрадь!”
– “Ты опять не читаешь, обманщик?
Погоди, не посмеет играть
Nimmer mehr² этот гадкий шарманщик!”

Золотые дневные лучи
Теплой ласкою травку согрели.
– “Гадкий мальчик, глаголы учи!”
– О, как трудно учиться в апреле!..

Наклонившись, глядит из окна
Гувернантка в накидке лиловой.
Fraulein Else³ сегодня грустна,
Хоть и хочет казаться суровой.

В ней минувшие грезы свежат
Эти отклики давних мелодий,
И давно уж слезинки дрожат
На ресницах больного Володи.

Инструмент неуклюж, неказист:
Ведь оплачен сумой небогатой!
Все на воле: жилец-гимназист,
И Наташа, и Дорик с лопатой,

И разносчик с тяжелым лотком,
Что торгует внизу пирожками...
Fraulein Else закрыла платком
И очки, и глаза под очками.

Не уходит шарманщик слепой,
Легким ветром колеблется штора,
И сменяется: “Пой, птичка, пой”
Дерзким вызовом Тореадора.

Fraulein плачет: волнует игра!
Водит мальчик пером по бювару.
– “Не грусти, lieber Junge⁴, – пора
Нам гулять по Тверскому бульвару.

Ты тетрадки и книжечки спрячь!”
– “Я конфет попрошу у Алеши!

² Никогда (нем.).

³ Барышня Эльза (нем.).

⁴ Любимый мальчик (нем.).

Fraulein Else, где черненький мяч?
Где мои, Fraulein Else, калоши?”

Не осилить тоске леденца!
О великая жизни приманка!
На дворе без надежд, без конца
Заунывно играет шарманка.

Людовик XVII

Отцам из роз венец, тебе из терний,
Отцам – вино, тебе – пустой графин.
За их грехи ты жертвой пал вечерней,
О на заре замученный дофин!

Не сгнивший плод – цветок неживше-свежий
Втоптала в грязь народная гроза.
У всех детей глаза одни и те же:
Невыразимо-нежные глаза!

Наследный принц, ты стал курить из трубки,
В твоих кудрях мятежников колпак,
Вином сквернили розовые губки,
Дофина бил сапожника кулак.

Где гордый блеск прославленных столетий?
Исчезло все, развеялось во прах!
За все терпели маленькие дети:
Малютка-принц и девочка в кудрях.

Но вот настал последний миг разлуки.
Чу! Чья-то песнь! Так ангелы поют...
И ты простер слабеющие руки
Туда наверх, где странникам – приют.

На дальний путь доверчиво вступая,
Ты понял, принц, зачем мы слезы льем,
И знал, под песнь родную засыпая,
Что в небесах проснешься – королем.

На скалах

Он был синеглазый и рыжий,
(Как порох во время игры!)
Лукавый и ласковый. Мы же
Две маленьких русых сестры.

Уж ночь опустилась на скалы,
Дымится над морем костер,
И клонит Володя усталый
Головку на плечи сестер.

А сестры уж ссорятся в злобе:
“Он – мой!” – “Нет – он мой!” – “Почему ж?”
Володя решает: “Вы обе!
Вы – жены, я – турок, ваш муж”.

Забыто, что в платицах дыры,
Что новый костюмчик измят.
Как скалы заманчиво-сыры!
Как радостно пиньи шумят!

Обрывки каких-то мелодий
И шепот сквозь сон: “Нет, он мой!”
– “(Домой! Ася, Муся, Володя!)”
– Нет, лучше в костер, чем домой!

За скалы цепляются юбки,
От камешков рвется карман.
Мы курим – как взрослые – трубки,
Мы – воры, а он атаман.

Ну, как его вспомнишь без боли,
Товарища стольких побед?
Теперь мы большие и боле
Не мальчишки в юбках, – о нет!

Но память о нем мы уносим
На целую жизнь. Почему?
– Мне десять лет было, ей восемь,
Одиннадцать ровно ему.

Дама в голубом

Где-то за лесом раскат грозовой,
Воздух удушлив и сух.
В пышную траву ушел с головой
Маленький Эрик-пастух.
Темные ели, клонясь от жары,
Мальчику дали приют.
Душно... Жужжание пчел, мошкары,
Где-то барашки блеют.
Эрик задумчив: – “Надейся и верь,
В церкви аббат поучал.
Верю... О Боже... О, если б теперь
Колокол вдруг зазвучал!”
Молвил – и видит: из сумрачных чаш
Дама идет через луг:
Легкая поступь, синеющий плащ,
Блеск ослепительный рук;
Резвый поток золотистых кудрей
Зыблется, ветром гоним.
Ближе, все ближе, ступает быстрее,
Вот уж склонилась над ним.
– “Верящий чуду не верит вотще,
Чуда и радости жди!”
Добрая дама в лазурном плаще
Крошку прижала к груди.
Белые розы, орган, торжество,
Радуга звездных колонн...
Эрик очнулся. Вокруг – никого,
Только барашки и он.
В небе незримые колокола
Пели-звенели: бим-бом...
Понял малютка тогда, кто была
Дама в плаще голубом.

В Ouchy

Держала мама наши руки,
К нам заглянув на дно души.
О, этот час, канун разлуки,
О предзакатный час в Ouchy!

– “Все в знаньи, скажут вам науки.
Не знаю... Сказки – хороши!”
О, эти медленные звуки,
О, эта музыка в Ouchy!

Мы рядом. Вместе наши руки.
Нам грустно. Время, не спеши!..
О, этот час, преддверье муки,
О вечер розовый в Ouchy!

Акварель

Амбразуры окон потемнели,
Не вздыхает ветерок долинный,
Ясен вечер; сквозь вершину ели
Кинул месяц первый луч свой длинный.
Ангел взоры опустил святые,
Люди рады тени промелькнувшей,
И спокойны глазки золотые
Нежной девочки, к окну прильнувшей.

Сказочный Шварцвальд

Ты, кто муку видишь в каждом миге,
Приходи сюда, усталый брат!
Все, что снилось, сбудется, как в книге —
Темный Шварцвальд сказками богат!

Все людские помыслы так мелки
В этом царстве доброй полумглы.
Здесь лишь лани бродят, скачут белки...
Пенье птиц... Жужжание пчелы...

Погляди, как скалы эти хмуры,
Сколько ярких лютиков в траве!
Белые меж них гуляют куры
С золотым хохлом на голове.

На поляне хижина-игрушка
Мирно спит под шепчущий ручей.
Постучишься – ветхая старушка
Выйдет, щурясь от дневных лучей.

Нос как клюв, одежда земляная,
Золотую держит нить рука, —
Это Waldfrau, бабушка лесная,
С колдовством знакомая слегка.

Если добр и ласков ты, как дети,
Если мил тебе и луч, и куст,
Все, что встарь случалось на свете,
Ты узнаешь из столетних уст.

Будешь радость видеть в каждом миге,
Все поймешь: и звезды, и закат!
Что приснится, сбудется, как в книге, —
Темный Шварцвальд сказками богат!

Как мы читали “Lichtenstein”

Тишь и зной, везде синеют сливы,
Усыпительно жужжанье мух,
Мы в траве уселись, молчаливы,
Мама Lichtenstein читает вслух.

В пятнах губы, фартучек и платье,
Сливу руки нехотя берут.
Ярким золотом горит распятыё
Там, внизу, где склон дороги крут.

Ульрих – мой герой, а Георг – Асин,
Каждый доблестью пленить сумел:
Герцог Ульрих так светло-несчастен,
Рыцарь Георг так влюбленно-смел!

Словно песня – милый голос мамы,
Волшебство творят ее уста.
Ввысь уходят ели, стройно-прямые,
Там, на солнце, нежен лик Христа...

Мы лежим, от счастья молчаливы,
Замирает сладко детский дух.
Мы в траве, вокруг синеют сливы,
Мама Lichtenstein читает вслух.

Наши царства

Владенья наши царственно-богаты,
Их красоты не рассказать стиху:
В них ручейки, деревья, поле, скаты
И вишни прошлогодние во мху.

Мы обе – феи, добрые соседки,
Владенья наши делит темный лес.
Лежим в траве и смотрим, как сквозь ветки
Белеет облачко в выси небес.

Мы обе – феи, но большие (странно!)
Двух диких девочек лишь видят в нас.
Что ясно нам – для них совсем туманно:
Как и на все – на фею нужен глаз!

Нам хорошо. Пока еще в постели
Все старшие, и воздух летний свеж,
Бежим к себе. Деревья нам качели.
Беги, танцуй, сражайся, палки режь!..

Но день прошел, и снова феи – дети,
Которых ждут и шаг которых тих...
Ах, этот мир и счастье быть на свете
Еще невзрослый передаст ли стих?

Отъезд

Повсюду листья желтые, вода
Прозрачно-синяя. Повсюду осень, осень!
Мы уезжаем. Боже, как всегда
Отъезд сердцам желанен и несносен!

Чуть вдалеке раздастся стук колес, —
Четыре вздрогнут детские фигуры.
Глаза Марилэ не глядят от слез,
Вздыхает Карл, как заговорщик, хмурый.

Мы к маме жмемся: “Ну зачем отъезд?
Здесь хорошо!” — “Ах, дети, вздохи лишни”.
Прощайте, луг и придорожный крест,
Дорога в Хорбен... Вы, прощайте, вишни,

Что рвали мы в саду, и сеновал,
Где мы, от всех укрывшись, их съедали...
(Какой-то крик... Кто звал? Никто не звал!)
И вы, Шварцвальда золотые дали!

Марилэ пишет мне стишок в альбом,
Глаза в слезах, а буквы кривы-кривы!
Хлопочет мама; в платье голубом
Мелькает Ася с Карлом там, у ивы.

О, на крыльце последний шепот наш!
О, этот плач о промелькнувшем лете!
Какой-то шум. Приехал экипаж.
— “Скорей, скорей! Мы опоздаем, дети!”

— “Марилэ, друг, пиши мне!” Ах, не то!
Не это я сказать хочу! Но что же?
— “Надень берет!” — “Не раскрывай пальто!”
— “Садитесь, ну?” и папин голос строже.

Букет сует нам Асин кавалер,
Сует Марилэ плитку шоколада...
Последний миг... — “Nun, kann es losgehn, Herr?”⁵
Погибло все. Нет, больше жить не надо!

Мы ехали. Осенний вечер блек.
Мы, как во сне, о чем-то говорили...
Прощай, наш Карл, шварцвальдский паренек!
Прощай, мой друг, шварцвальдская Марилэ!

⁵ “Так можно отправляться, господин?” (нем.).

Книги в красном переплете

Из рая детского житья
Вы мне привет прощальный шлете,
Неизменившие друзья
В потертом, красном переплете.
Чуть легкий выучен урок,
Бегу тотчас же к вам бывало.
– “Уж поздно!” – “Мама, десять строк!”...
Но к счастью мама забывала.
Дрожат на люстрах огоньки...
Как хорошо за книгой дома!
Под Грига, Шумана и Кюи
Я узнавала судьбы Тома.
Темнеет... В воздухе свежо...
Том в счастье с Бэки полон веры.
Вот с факелом Индеец Джо
Блуждает в сумраке пещеры...
Кладбище... Вещий крик совы...
(Мне страшно!) Вот летит чрез кочки
Приемыш чопорной вдовы,
Как Диоген живущий в бочке.
Светлее солнца тронный зал,
Над стройным мальчиком – корона...
Вдруг – нищий! Боже! Он сказал:
“Позвольте, я наследник трона!”
Ушел во тьму, кто в ней возник.
Британии печальны судьбы...
– О, почему средь красных книг
Опять за лампой не уснуть бы?
О золотые времена,
Где взор смелей и сердце чище!
О золотые имена:
Гекк Финн, Том Сойер, Принц и Нищий!

Инцидент за супом

- “За дядю, за тетю, за маму, за папу”...
 - “Чтоб Кутику Боженька вылечил лапу”...
 - “Нельзя баловаться, нельзя, мой пригожий!”...
 - (Уж хочется плакать от злости Сереже.)
 - “Не плачь, и на трех он на лапах поскачет”.
- Но поздно: Сереженька-первенец – плачет!

Разохлаась тетя, племянника ради
Усидчивый дядя бросает тетради,
Отец опечален: семейная драма!
Волнуется там, перед зеркалом, мама...
– “Ну, нянюшка, дальше! Чего же вы ждете?”
– “За папу, за маму, за дядю, за тетю”...

Мама за книгой

...Сдавленный шепот... Сверканье кинжала...

– “Мама, построй мне из кубиков домик!”

Мама взволнованно к сердцу прижала

Маленький томик.

... Гневом глаза загорелись у графа:

“Здесь я, княгиня, по благодати рока!”

– “Мама, а в море не тонет жирафа?”

Мама душою – далеко!

– “Мама, смотри: паутинка в котлете!”

В голосе детском упрек и угроза.

Мама очнулась от вымыслов: дети —

Горькая проза!

Пробуждение

Холодно в мире! Постель
Осенью кажется раем.
Ветром колеблется хмель,
Треплется хмель над сараем;
Дождь повторяет: кап-кап,
Льется и льется на дворик...
Свет из окошка – так слаб!
Детскому сердцу – так горек!
Братец в раздумии трет
Сонные глазки ручонкой:
Бедный разбужен! Черед
За баловницей сестренкой.
Мыльная губка и таз
В темном углу – наготове.
Холодно! Кукла без глаз
Мрачно нахмурила брови:
Куколке солнышка жаль!
В зале – дрожащие звуки...
Это тихонько рояль
Тронули мамины руки.

Утомленье

Жди вопроса, придумывай числа...
Если думать – то где же игра?
Даже кукла нахмурилась кисло...
Спать пора!

В зале страшно: там ведьмы и черти
Появляются все вечера.
Папа болен, мама в концерте...
Спать пора!

Братец шубу надел наизнанку,
Рукавицы надела сестра,
– Но устанешь пугать гувернантку...
Спать пора!

Ах, без мамы ни в чем нету смысла!
Приуныла в углах детвора,
Даже кукла нахмурилась кисло...
Спать пора!

Баловство

В темной гостиной одиннадцать бьет.
Что-то сегодня приснится?
Мама-шалунья уснуть не дает!
Эта мама совсем баловница!

Сдернет, смеясь, одеяло с плеча,
(Плакать смешно и стараться!)
Дразнит, пугает, смешит, щекоча
Полусонных сестрицу и братца.

Косу опять распустила плащом,
Прыгает, точно не дама...
Детям она не уступит ни в чем,
Эта странная девочка-мама!

Скрыла сестренка в подушке лицо,
Глубже ушла в одеяльце,
Мальчик без счета целует кольцо
Золотое у мамы на пальце...

Лучший союз

Ты с детства полюбила тень,
Он рыцарь грезы с колыбели.
Вам голубые птицы пели
О встрече каждый вешний день.

Вам мудрый сон сказал украдкой:
– “С ним – лишь на небе!” – “Здесь – не с ней!”
Уж с колыбельных нежных дней
Вы лучшей связаны загадкой.

Меж вами пропасть глубока,
Но нарушаются запреты
В тот час, когда не спят портреты,
И плачет каждая строка.

Он рвется весь к тебе, а ты
К нему протягиваешь руки,
Но ваши встречи – только муки,
И речью служат вам цветы.

Ни страстных вздохов, ни смятений
Пустым, доверенных, словам!
Вас обручила тень, и вам
Священны в жизни – только тени.

Сара в версальском монастыре

Голубей над крышей вьется пара,
Засыпает монастырский сад.
Замечталась маленькая Сара
На закат.

Льнет к окну, лучи рукою ловит,
Как былинка нежная слаба,
И не знает крошка, что готовит
Ей судьба.

Вся застыла в грезе молчаливой,
От раздумья щечки розовой,
Вьются кудри золотистой гривой
До бровей.

На губах улыбка бродит редко,
Чуть звенит цепочкою браслет, —
Все дитя как будто статуэтка
Давних лет.

Этих глаз синее не бывает!
Резкий звук развеял пенье чар:
То звонок воспитанниц сзывает
В дортуар.

Подымает девочку с окошка,
Как перо, монахиня-сестра.
Добрый голос шепчет: “Сара-крошка,
Спать пора!”

Село солнце в медленном пожаре,
Серп луны прокрался из-за туч,
И всю ночь легенды шепчет Саре
Лунный луч.

Маленький паж

Этот крошка с душой безутешной
Был рожден, чтобы рыцарем пасть
За улыбку возлюбленной дамы.
Но она находила потешной,
Как наивные драмы,
Эту детскую страсть.

Он мечтал о гибели славной,
О могуществе гордых царей
Той страны, где восходит светило.
Но она находила забавной
Эту мысль и твердила:
– “Вырастай поскорей!”

Он бродил одинокий и хмурый
Меж поникших, серебряных трав,
Все мечтал о турнирах, о шлеме...
Был смешон мальчуган белокурый
Избалованный всеми
За насмешливый нрав.

Через мостик склонясь над водою,
Он шепнул (то последний был бред!)
– “Вот она мне кивает оттуда!”
Тихо плыл, озаренный звездой,
По поверхности пруда
Темно-синий берет.

Этот мальчик пришел, как из грезы,
В мир холодный и горестный наш.
Часто ночью красавица внемлет,
Как трепещут листвою березы
Над могилой, где дремлет
Ее маленький паж.

Die stille strasse

6

Die stille Strasse: юная листва
Светло шумит, склоняясь над забором,
Дома – во сне... Блестящим детским взором
Глядим наверх, где меркнет синева.

С тупым лицом немецкие слова
Мы вслед за Fraulein повторяем хором,
И воздух тих, загрезивший, в котором
Вечерний колокол поет едва.

Звучат шаги отчетливо и мерно,
Die stille Strasse распрощалась с днем
И мирно спит под шум деревьев. Верно.

Мы на пути не раз еще вздохнем
О ней, затерянной в Москве бескрайной,
И чье название нам осталось тайной.

⁶ Тихая улица (нем.).

Встреча

Вечерний дым над городом возник,
Куда-то вдаль покорно шли вагоны,
Вдруг промелькнул, прозрачней анемоны,
В одном из окон полудетский лик

На веках тень. Подобием короны
Лежали кудри... Я сдержала крик:
Мне стало ясно в этот краткий миг,
Что пробуждают мертвых наши стоны.

С той девушкой у темного окна
– Виденьем рая в сутолке вокзальной —
Не раз встречалась я в долинах сна.

Но почему была она печальной?
Чего искал прозрачный силуэт?
Быть может ей – и в небе счастья нет?..

Новолунье

Новый месяц встал над лугом,
Над росистой межой.
Милый, дальний и чужой,
Приходи, ты будешь другом.

Днем – скрываю, днем – молчу.
Месяц в небе, – нету мочи!
В эти месячные ночи
Рвусь к любимому плечу.

Не спрошу себя: “Кто ж он?”
Все расскажут – твои губы!
Только днем объятья грубы,
Только днем порыв смешон.

Днем, томима гордым бесом,
Лгу с улыбкой на устах.
Ночью ж... Милый, дальний... Ах!
Лунный серп уже над лесом!

Таруса, октябрь 1909

Эпитафия

Тому, кто здесь лежит под травкой вешней,
Прости, Господь, злой помысел и грех!
Он был больной, измученный, нездешний,
Он ангелов любил и детский смех.

Не смял звезды сирени белоснежной,
Хоть и желал Владыку побороть...
Во всех грехах он был – ребенок нежный,
И потому – прости ему, Господь!

В люксембургском саду

Склоняются низко цветущие ветки,
Фонтана в бассейне лепечут струи,
В тенистых аллеях все детки, все детки...
О детки в траве, почему не мои?

Как будто на каждой головке коронка
От взоров, детей стерегущих, любя.
И матери каждой, что гладит ребенка,
Мне хочется крикнуть: “Весь мир у тебя!”

Как бабочки девочек платица пестры,
Здесь ссора, там хохот, там сборы домой...
И шепчутся мамы, как нежные сестры:
– “Подумайте, сын мой”... – “Да что вы! А мой”...

Я женщин люблю, что в бою не робели,
Умевших и шпагу держать, и копье, —
Но знаю, что только в плену колыбели
Обычное – женское – счастье мое!

В сумерках

(На картину “Au Crepuscule” Paul Chabas ⁷ в Люксембургском музее)

Клане Макаренко

Сумерки. Медленно в воду вошла
Девочка цвета луны.
Тихо. Не мучат уснувшей волны
Мерные всплески весла.
Вся – как наяда. Глаза зелены,
Стеблем меж вод расцвела.
Сумеркам – верность, им, нежным, хвала:
Дети от солнца больны.
Дети – безумцы. Они влюблены
В воду, в рояль, в зеркала...
Мама с балкона домой позвала
Девочку цвета луны.

⁷ “В сумерках” Поля Шабаса (фр.).

Эльфочка в зале

Ане Калин

Запела рояль неразгаданно-нежно
Под гибкими ручками маленькой Ани.
За окнами мчались неясные сани,
На улицах было пустынно и снежно.

Воздушная эльфочка в детском наряде
Внимала тому, что лишь эльфочкам слышно.
Овеяли тонкое личико пышно
Пушистых кудрей беспокойные пряди.

В ней были движенья таинственно-хрупки.
— Как будто старинный портрет перед вами! —
От дум, что вовеки не скажешь словами,
Печально дрожали капризные губки.

И пела рояль, вдохновеньем согрета,
О сладостных чарах безбрежной печали,
И души меж звуков друг друга встречали,
И кто-то светло улыбался с портрета.

Внушали напевы: “Нет радости в страсти!
Усталое сердце, усни же, усни ты!”
И в сумерках зимних нам верилось власти
Единственной, странной царевны Аниты.

Памяти Нины Джаваха

Всему внимая чутким ухом,
– Так недоступна! Так нежна! —
Она была лицом и духом
Во всем джигитка и княжна.

Ей все казались странно-грубы:
Скрывая взор в тени углов,
Она без слов кривила губы
И ночью плакала без слов.

Бледнея гасли в небе зори,
Темнел огромный дортуар;
Ей снилось розовое Гори
В тени развесистых чинар...

Ах, не растет маслины ветка
Вдали от склона, где цвела!
И вот весной раскрылась клетка,
Метнулись в небо два крыла.

Как восковые – ручки, лобик,
На бледном личике – вопрос.
Тонул нарядно-белый гробик
В волнах душистых тубероз.

Умолкло сердце, что боролось...
Вокруг лампы, образа...
А был красив гортанный голос!
А были пламенны глаза!

Смерть окончанье – лишь рассказа,
За гробом радость глубока.
Да будет девочке с Кавказа
Земля холодная легка!

Порвалась тоненькая нитка,
Испепелив, угас пожар...
Спи с миром, пленница-джигитка,
Спи с миром, крошка-сазандар.

Как наши радости убоги
Душе, что мукой зажжена!
О да, тебя любили боги,
Светло-надменная княжна!

Москва, Рождество 1909

Пленница

Она покоится на вышитых подушках,
Слегка взволнована мигающим лучом.
О чем загрезила? Задумалась о чем?
О новых платьях ли? О новых ли игрушках?

Шалунья-пленница томилась целый день
В покоех сумрачных тюрьмы Эскуриала.
От гнета пышного, от строгого хорала
Уводит в рай ее ночная тень.

Не лгали в книгах бледные виньеты:
Приоткрывается тяжелый балдахин,
И слышен смех звенящий мандолин,
И о любви вздыхают кастаньеты.

Склонив колено, ждет кудрявый паж
Ее, наследницы, чарующей улыбки.
Аллеи сумрачны, в бассейнах плещут рыбки
И ждет серебряный, тяжелый экипаж.

Но... грезы все! Настанет миг расплаты;
От злой слезы ресницы дрогнет шелк,
И уж с утра про королевский долг
Начнут твердить суровые аббаты.

Сестры

“Car tout n’est que reve, o ma soeur!”⁸

Им ночью те же страны снились,
Их тайно мучил тот же смех,
И вот, узнав его меж всех,
Они вдвоем над ним склонились.

Над ним, любившим только древность,
Они вдвоем шепнули: “Ах!”...
Не шевельнулись в их сердцах
Ни удивление, ни ревность.

И рядом в нежности, как в злобе,
С рожденья чуждые мольбам,
К его задумчивым губам
Они прильнули обе... обе...

Сквозь сон ответил он: “Люблю я!”...
Раскрыл объятия – зал был пуст!
Но даже смерти с бледных уст
Не смыть двойного поцелуя.

23 – 30 декабря 1909

⁸ “Ибо все лишь сон, о моя сестра!” (фр.).

На прощанье

*Mein Herz tragt schwere Ketten,
Die Du mir angelegt.
Ich mocht' mein Leben wetten,
Dass Keine schwerer tragt.*

Франкфуртская песенка.⁹

Мы оба любили, как дети,
Дразня, испытывая, играя,
Но кто-то недобрые сети
Расставил, улыбку тая —
И вот мы у пристани оба,
Не ведав желанного рая,
Но знай, что без слов и до гроба
Я сердцем пребуду — твоя.

Ты всё мне поведал — так рано!
Я все разгадала — так поздно!
В сердцах наших вечная рана,
В глазах молчаливый вопрос,
Земная пустыня бескрайна,
Высокое небо беззвездно,
Подслушана нежная тайна,
И властен навеки мороз.

Я буду беседовать с тенью!
Мой милый, забыть нету мочи!
Твой образ недвижим под сенью
Моих опустившихся век...
Темнеет... Захлопнули ставни,
На всем приближение ночи...
Люблю тебя, призрачно-давний,
Тебя одного — и навек!

4 – 9 января 1910

⁹ “Мое сердце в тяжелых оковах, которыми ты его опутал. Клянусь жизнью, что ни у кого нет цепей тяжелей” (нем.).

Следующей

Святая ль ты, иль нет тебя грешнее,
Вступаешь в жизнь, иль путь твой позади, —
О, лишь люби, люби его нежнее!
Как мальчика баюкай на груди,
Не забывай, что ласки сон нужнее,
И вдруг от сна объятьем не буди.

Будь вечно с ним: пусть верности научат
Тебя печаль его и нежный взор.
Будь вечно с ним: его сомненья мучат,
Коснись его движением сестер.
Но, если сны безгрешностью наскучат,
Сумей зажечь чудовищный костер!

Ни с кем кивком не обменяйся смело,
В себе тоску о прошлом усыпи.
Будь той ему, кем быть я не посмела:
Его мечты боязнию не сгуби!
Будь той ему, кем быть я не сумела:
Люби без мер и до конца люби!

Perpetuum mobile¹⁰

Как звезды меркнут понемногу
В сияньи солнца золотом,
К нам другу друг давал дорогу,
Осенним делаясь листом,
– И каждый нес свою тревогу
В наш без того тревожный дом.

Мы всех приветствием встречали,
Шли без забот на каждый пир,
Одной улыбкой отвечали
На бубна звон и рокот лир,
– И каждый нес свои печали
В наш без того печальный мир.

Поэты, рыцари, аскеты,
Мудрец-филолог с грудой книг...
Вдруг за лампадой – блеск ракеты!
За проповедником – шутник!
– И каждый нес свои букеты
В наш без того большой цветник.

¹⁰ Вечно движущееся (лат.).

Следующему

*Quasi una fantasia.*¹¹

Нежные ласки тебе уготованы
Добрых сестричек.
Ждем тебя, ждем тебя, принц заколдованный
Песнями птичек.
Взрос ты, вспоенная солнышком веточка,
Рая явление,
Нежный как девушка, тихий как деточка,
Весь – удивленье.
Скажут не раз: “Эти сестры изменчивы
В каждом ответе!”
– С дерзким надменны мы, с робким застенчивы,
С мальчиком – дети.
Любим, как ты, мы березки, проталинки,
Таянье тучек.
Любим и сказки, о, глупенький, маленький
Бабушкин внучек!
Жалобен ветер, весну вспоминающий...
В небе алмазы...
Ждем тебя, ждем тебя, жизни не знающий,
Голубоглазый!

¹¹ Сплошь фантазия (лат.).

Мама в саду

Гале Дьяконовой

Мама стала на колени
Перед ним в траве.
Солнце пляшет на прическе,
На голубенькой матроске,
На кудрявой голове.
Только там, за домом, тени...

Маме хочется гвоздику
Крошке приколоть, —
Оттого она присела.
Руки белы, платье бело...
Льнут к ней травы вплоть.
— Пальцы только мнут гвоздику. —

Мальчик светлую головку
Опустил на грудь.
— “Не вертись, дружок, стой прямо!”
Что-то очень медлит мама!
Как бы улизнуть
Ищет маленький уловку.

Мама плачет. На колени
Ей упал цветок.
Солнце нежит взгляд и листья,
Золотит незримой кистью
Каждый лепесток.
— Только там, за домом, тени...

Мама на лугу

Вы бродили с мамой на лугу
И тебе она шепнула: “Милый!
Кончен день, и жить во мне нет силы.
Мальчик, знай, что даже из могилы
Я тебя, как прежде, берегу!”

Ты тихонько опустил глаза,
Колокольчики в руке сжимая.
Все цвело и пело в вечер мая...
Ты не поднял глазок, понимая,
Что смутит ее твоя слеза.

Чуть вдали завиделись балкон,
Старый сад и окна белой дачи,
Зашептала мама в горьком плаче:
“Мой дружок! Ведь мне нельзя иначе, —
До конца лишь сердце нам закон!”

Не грусти! Ей смерть была легка:
Смерть для женщин лучшая находка!
Здесь дремать мешала ей решетка,
А теперь она уснула кротко
Там, в саду, где Бог и облака.

Луч серебристый

Эхо стонало, шумела река,
Ливень стучал тяжело,
Луч серебристый пронзил облака.
Им любовались мы долго, пока
Солнышко, солнце взошло!

Втроем

– *“Мы никого так”...*
– *“Мы никогда так”...*
– *“Ну, что же? Кончайте”...*
27-го декабря 1909

Горькой расплаты, забвенья ль вино, —
Чашу мы выпьем до дна!
Эта ли? та ли? Не все ли равно!
Нить навсегда создана.

Сладко усталой прильнуть голове
Справа и слева – к плечу.
Знаю одно лишь: сегодня их две!
Большого знать не хочу.

Обе изменчивы, обе нежны,
Тот же задор в голосах,
Той же тоскою огни зажжены
В слишком похожих глазах...

Тише, сестрички! Мы будем молчать,
Души без слова сольем.
Как неизведано утро встречать
В детской, прижавшись, втроем...

Розовый отсвет на зимнем окне,
Утренний тает туман,
Девочки крепко прижались ко мне...
О, какой сладкий обман!

Ошибка

Когда снежинку, что легко летает,
Как звездочка упавшая скользят,
Берешь рукой – она слезинкой тает,
И вернуть воздушность ей нельзя.

Когда пленясь прозрачностью медузы,
Ее коснемся мы капризом рук,
Она, как пленник, заключенный в узы,
Вдруг побледнеет и погибнет вдруг.

Когда хотим мы в мотыльках-скитальцах
Видать не грезу, а земную быль —
Где их наряд? От них на наших пальцах
Одна зарей раскрашенная пыль!

Оставь полет снежинкам с мотыльками
И не губи медузу на песках!
Нельзя мечту свою хватать руками,
Нельзя мечту свою держать в руках!

Нельзя тому, что было грустью зыбкой,
Сказать: “Будь страсть! Горя безумствуй, рдей!”
Твоя любовь была такой ошибкой, —
Но без любви мы гибнем, Чародей!

Мука и мука

– “Все перемелется, будет мукой!”
Люди утешены этой наукой.
Станет мукою, что было тоской?
Нет, лучше *мукой*!

Люди, поверьте: мы живы тоской!
Только в тоске мы победны над скукой.
Все перемелется? Будет мукой?
Нет, лучше *мукой*!

Каток растаял

...“но ведь есть каток”...

Письмо 17 января 1910

Каток растаял... Не услада
За зимней тишью стук колес.
Душе весеннего не надо
И жалко зимнего до слез.

Зимою грусть была едина...
Вдруг новый образ встанет... Чей?
Душа людская – та же льдина
И так же тает от лучей.

Пусть в желтых лютиках пригорок!
Пусть смел снежинку лепесток!
– Душе капризной странно дорог
Как сон растаявший каток...

Встреча

*...“есть встречи случайные”...
Из дорогого письма.*

Гаснул вечер, как мы умиленный
Этим первым весенним теплом.
Был тревожен Арбат оживленный;
Добрый ветер с участливой лаской
Нас касался усталым крылом.
В наших душах, воспитанных сказкой,
Тихо плакала грусть о былом.

Он прошел – так неожиданно! так спешно! —
Тот, кто прежде помог бы всему.
А вдали чередой безутешно
Фонарей лучезарные точки
Загорались сквозь легкую тьму...
Все кругом покупали цветочки;
Мы купили букетик... К чему?

В небесах фиолетово-алых
Тихо вянул неведомый сад.
Как спастись от тревог запоздалых?
Все вернулось. На миг ли? На много ль?
Мы глядели без слов на закат,
И кивал нам задумчивый Гоголь
С пьедестала, как горестный брат.

Бывшему чародею

Вам сердце рвет тоска, сомненье в лучшем сея.
– “Брось камнем, не щади! Я жду, больней ужаль!”
Нет, ненавистна мне надменность фарисея,
Я грешников люблю, и мне вас только жаль.

Стенами темных слов, растущими во мраке,
Нас, нет, – не разлучить! К замкам найдем ключи
И смело подадим таинственные знаки
Друг другу мы, когда задремлет все в ночи.

Свободный и один, вдали от тесных рамок,
Вы вновь вернетесь к нам с богатою ладьей,
И из воздушных строк возникнет стройный замок,
И ахнет тот, кто смел поэту быть судьей!

– “Погрешности прощать прекрасно, да, но эту —
Нельзя: культура, честь, порядочность... О нет”.
– Пусть это скажут все. Я не судья поэту,
И можно все простить за плачущий сонет!

Чародею

Рот как кровь, а глаза зелены,
И улыбка измученно-злая...
О, не скроешь, теперь поняла я:
Ты возлюбленный бледной Луны.

Над тобою и днем не слабели
В дальнем детстве сказанья ночей,
Оттого ты с рожденья – ничей,
Оттого ты любил – с колыбели.

О, как многих любил ты, поэт:
Темнооких, светло-белокурых,
И надменных, и нежных, и хмурых,
В них вселяя свой собственный бред.

Но забвение, ах, на груди ли?
Есть ли чары в земных голосах?
Исчезая, как дым в небесах,
Уходили они, уходили.

Вечный гость на чужом берегу,
Ты замучен серебряным рогом...
О, я знаю о многом, о многом,
Но откуда – сказать не могу.

Оттого тебе искры бокала
И дурман наслаждений бледны:
Ты возлюбленный Девы-Луны,
Ты из тех, что Луна приласкала.

В чужой лагерь

*“Да, для вас наша жизнь
действительно в тумане”.*

Разговор 20-го декабря 1909

Ах, вы не братья, нет, не братья!
Пришли из тьмы, ушли в туман...
Для нас безумные объятья
Еще неведомый дурман.

Пока вы рядом – смех и шутки,
Но чуть умолкнули шаги,
Уж ваши речи странно-жутки,
И чует сердце: вы враги.

Сильны во всем, надменны даже,
Меняясь вечно, те, не те —
При ярком свете мы на страже,
Но мы бессильны – в темноте!

Нас вальс и вечер – все тревожит,
В нас вечно рвется счастья нить...
Неотвратимого не может,
Ничто не сможет отклонить!

Тоска по книге, вешний запах.
Оркестра пение вдали —
И мы со вздохом в темных лапах,
Сожжем, тоскуя, корабли.

Но знайте: в миг, когда без силы
И нас застанет страсти ад,
Мы потому прошепчем: “Милый!”
Что будет розовым закат.

Анжелика

Темной капеллы, где плачет орган,
Близости кроткого лика!..
Счастья земного мне чужд ураган:
Я – Анжелика.

Тихое пенье звучит в унисон,
Окон неясны разводы,
Жизнью моей овладели, как сон,
Стройные своды.

Взор мой и в детстве туда ускользал,
Он городами измучен.
Скучен мне говор и блещущий зал,
Мир мне – так скучен!

Кто-то пред Девой затеплил свечу,
(Ждет исцеленья ль больная?)
Вот отчего я меж вами молчу:
Вся я – иная.

Сладостна слабость опущенных рук,
Всякая скорбь здесь легка мне.
Плющ темнолиственный обнял как друг
Старые камни;

Бело и розово, словно миндаль,
Здесь расцвела повилика...
Счастья не надо. Мне мира не жаль:
Я – Анжелика.

Добрый колдун

Всё видит, всё знает твой мудрый зрачок
Сердца тебе ясны, как травы.
Зачем ты меж нами, лесной старичок,
Колдун безобидно-лукавый?

Душою до гроба застенчиво-юн,
Живешь, упоен небосводом.
Зачем ты меж нами, лукавый колдун,
Весь пахнувший лесом и медом?

Как ранние зори покинуть ты мог,
Заросшие маком полянки,
И старенький улей, и серый дымок,
Встающий над крышей землянки?

Как мог променять ты любимых зверей,
Свой лес, где цветет Небылица,
На мир экипажей, трамваев, дверей,
На дружески-скучные лица?

Вернись: без тебя не горят светляки,
Не шепчутся темные елки,
Без ласково-твердой хозяйской руки
Скучают мохнатые пчелки.

Поверь мне: меж нами никто не поймет,
Как сладок черемухи запах.
Не медли, а то не остался бы мед
В невежливых мишкиных лапах!

Кто снадобье знает, колдун, как не ты,
Чтоб вылечить зверя иль беса?
Уйди, старичок, от людской суеты
Под своды родимого леса!

Потомок шведских королей

О, вы, кому всего милей
Победоносные аккорды, —
Падите ниц! Пред вами гордый
Потомок шведских королей.

Мой славный род – моя отравка!
Я от тоски сгораю – весь!
Падите ниц: пред вами здесь
Потомок славного Густава.

С надменной думой на лице
В своем мирке невинно-детском
Я о престоле грезил шведском,
О войнах, казнях и венце.

В моих глазах тоской о чуде
Такая ненависть зажглась,
Что этих слишком гневных глаз,
Не вынося, боялись люди.

Теперь я бледен стал и слаб,
Я пленник самой горькой боли,
Я призрак утренний – не боле...
Но каждый враг мне, кто не раб!

Вспоем легендой дорогою,
Умру, легенды паладин,
И мой привет для всех один:
“Ты мог бы быть моим слугою!”

Недоумение

Как не стыдно! Ты, такой не робкий,
Ты, в стихах поющий новолунье,
И дриад, и глохнувшие тропки, —
Испугался маленькой колдуньи!

Испугался глаз ее янтарных,
Этих детских, слишком алых губок,
Убоявшись чар ее коварных,
Не посмел испить шипящий кубок?

Был испуган пламенной отравой
Светлых глаз, где только искры видно?
Испугался девочки кудрявой?
О, поэт, тебе да будет стыдно!

Обреченная

Бледные ручки коснулись рояля
Медленно, словно без сил.
Звуки запели, томленьем печали.
Кто твои думы смутил,
Бледная девушка, там, у рояля?

Тот, кто следит за тобой,
— Словно акула за маленькой рыбкой —
Он твоей будет судьбой!
И не о добром он мыслит с улыбкой,
Тот, кто стоит за тобой.

С радостным видом хлопочут родные:
Дочка – невеста! Их дочь!
Если и снились ей грезы иные, —
Грезы развеются в ночь!
С радостным видом хлопочут родные.

Светлая церковь, кольцо,
Шум, поздравления, с образом мальчик...
Девушка скрыла лицо,
Смотрит с тоскою на узенький пальчик,
Где загорится кольцо.

“На солнце, на ветер, на вольный простор...”

На солнце, на ветер, на вольный простор
Любовь уносите свою!
Чтоб только не видел ваш радостный взор
Во всяком прохожем судью.
Бегите на волю, в долины, в поля,
На травке танцуйте легко
И пейте, как резвые дети шая,
Из кружек больших молоко.
О, ты, что впервые смущенно влюблен,
Доверься превратностям грез!
Беги с ней на волю, под ветлы, под клен,
Под юную зелень берез;
Пасите на розовых склонах стада,
Внимайте журчанию струй;
И друга, шалуня, ты здесь без стыда
В красивые губы целуй!
Кто юному счастьем прошепчет укор?
Кто скажет: “Пора!” забытью?
– На солнце, на ветер, на вольный простор
Любовь уносите свою!

Шолохово, февраль 1910

От четырех до семи

В сердце, как в зеркале, тень,
Скучно одной – и с людьми...
Медленно тянется день
От четырех до семи!
К людям не надо – солгут,
В сумерках каждый жесток.
Хочется плакать мне. В жгут
Пальцы скрутили платок.
Если обидишь – прощу,
Только меня не томи!
– Я бесконечно грущу
От четырех до семи.

Волей луны

Мы выходим из столовой
Тем же шагом, как вчера:
В зале облачно-лиловой
Безутешны вечера!
Здесь на всем оттенок давний,
Горе всюду прилегло,
Но пока открыты ставни,
Будет облачно-светло.
Всюду ласка легкой пыли.
(Что послушней? Что нежней?)
Те, ушедшие, любили
Рисовать ручонкой в ней.
Этих маленьких ручонок
Ждут рояль и зеркала.
Был рояль когда-то звонок!
Зала радостна была!
Люстра, клавиш – все звенело,
Увлекаясь их игрой...
Хлопнул ставень – потемнело,
Закрывается второй...
Кто там шепчет еле-еле?
Или в доме не мертво?
Это струйкой льется в щели
Лунной ночи колдовство.
В зеркалах при лунном свете
Снова жив огонь зрачков,
И недвижим на паркете
След остывших башмачков.

Rouge et bleue¹²

Девочка в красном и девочка в синем
Вместе гуляли в саду.
– “Знаешь, Алина, мы платица скинем,
Будем купаться в пруду?”.
Пальчиком тонким грозя,
Строго ответила девочка в синем:
– “Мама сказала – нельзя”.

* * *

Девушка в красном и девушка в синем
Вечером шли вдоль межи.
– “Хочешь, Алина, все бросим, все кинем,
Хочешь, уедем? Скажи!”
Вздохом сквозь вешний туман
Грустно ответила девушка в синем:
– “Полно! ведь жизнь – не роман”...

* * *

Женщина в красном и женщина в синем
Шли по аллее вдвоем.
– “Видишь, Алина, мы блекнем, мы стынем, —
Пленницы в счастье своем”...
С полуулыбкой из тьмы
Горько ответила женщина в синем:
– “Что же? Ведь женщины мы!”

¹² Красное и голубое (фр.).

Столовая

Столовая, четыре раза в день
Миришь на миг во всем друг друга чуждых.
Здесь разговор о самых скучных нуждах,
Безмолвен тот, кому ответить лень.

Все неустойчиво, недружелюбно, ломко,
Тарелок стук... Беседа коротка:
– “Хотела в семь она придти с катка?”
– “Нет, к девяти”, – ответит экономка.

Звонок. – “Нас нет: уехали, скажи!”
– “Сегодня мы обедаем без света”...
Вновь тишина, не ждущая ответа;
Ведут беседу с вилками ножи.

– “Все кончили? Анята, на тарелки!”
Враждебный тон в негромких голосах,
И все глядят, как на стенных часах
Одна другую догоняют стрелки.

Роняют стул... Торопятся шаги...
Прощай, о мир из-за тарелки супа!
Благодарят за пропитанье скупое
И вновь расходятся – до ужина враги.

Пасха в апреле

Звон колокольный и яйца на блюде
Радостью душу согрели.
Что лучезарней, скажите мне, люди,
Пасхи в апреле?
Травку ласкают лучи, дорогая,
С улицы фраз отголоски...
Тихо брожу от крыльца до сарая,
Меряю доски.
В небе, как зарево, внешняя зорька,
Волны пасхального звона...
Вот у соседей заплакал так горько
Звук граммофона,
Вторят ему бесконечно-уныло
Взвизги гармоники с кухни...
Многое было, ах, многое было...
Прошное, рухни!
Нет, не помогут и яйца на блюде!
Поздно... Лучи догорели...
Что безнадежней, скажите мне, люди,
Пасхи в апреле?

Москва. Пасха, 1910

Сказки Соловьева

О, эта молодость земная!
Все так старо – и все так ново!
У приоткрытого окна я
Читаю сказки Соловьева.

Я не дышу – в них все так зыбко!
Вдруг вздохом призраки развею?
Неосторожная улыбка
Спугнет волшебника и фею.

Порою смерть – как будто ласка,
Порою жить – почти неловко!
Блаженство в смерти, Звездоглазка!
Что жизнь, Жемчужная Головка?

Не лучше ль уличного шума
Зеленый пруд, где гнутся лозы?
И темной власти Черnodума
Не лучше ль сон Апрельской Розы?

Вдруг чей-то шепот: “Вечно в жмурки
Играть с действительностью вредно.
Настанет вечер, и бесследно
Растают в пламени Снегурки!

Все сны апрельской благодати
Июльский вечер уничтожит”.
– О, ты, кто мудр – и так некстати! —
Я не сержусь. Ты прав, быть может...

Ты прав! Здесь сны не много значат,
Здесь лжет и сон, не только слово...
Но, если хочешь знать, как плачут,
Читай в апреле Соловьева!

Картинка с конфеты

На губках смех, в сердечке благодать,
Которую ни светских правил стужа,
Ни мненья лед не властны заковать.
Как сладко жить! Как сладко танцевать
В семнадцать лет под добрым взглядом муж

То кавалеру даст, смеясь, цветок,
То, не смутясь, подсядет к злым старухам,
Твердит о долге, беребя платок.
И страшно мил упрямый завиток
Густых волос над этим детским ухом.

Как сладко жить: удачен туалет,
Прическа сделана рукой искусной,
Любимый муж, успех, семнадцать лет...
Как сладко жить! Вдруг блески эполет
И чей-то взор неумолимо-грустный.

О, ей знаком бессильно-нежный рот,
Знакомы ей нахмуренные брови
И этот взгляд... Пред ней тот прежний, тот,
Сказавший ей в слезах под Новый Год:
– “Умру без слов при вашем первом слове!”

Куда исчез когда-то яркий гнев?
Ведь это он, ее любимый, первый!
Уж шепчет муж сквозь медленный напев:
– “Да ты больна?” Немного побледнев,
Она в ответ роняет: “Это нервы”.

Ricordo di Tivoli¹³

Мальчик к губам приложил осторожно свирель,
Девочка, плача, головку на грудь уронила...
– Грустно и мило! —
Скорбно склоняется к детям столетняя ель.

Темная ель в этой жизни видала так много
Слишком красивых, с большими глазами, детей.
Нет путей
Им в нашей жизни. Их счастье, их радость – у Бога.

Море синет вдали, как огромный сапфир,
Детские крики доносятся с дальней лужайки,
В воздухе – чайки...
Мальчик играет, а девочке в друге весь мир...

Ясно читая в грядущем, их ель осенила,
Мощная, мудрая, много выдавшая ель!
Плачет свирель...
Девочка, плача, головку на грудь уронила.

Берлин, лето 1910

¹³ Воспоминание о Тиволи (*итал.*).

У кровати

Вале Генерозовой

– “Там, где шиповник рос аленький,
Гномы нашли колпачки”...
Мама у маленькой Валеньки
Тихо сняла башмачки.

– “Солнце глядело сквозь веточки
К розе летела пчела”...
Мама у маленькой деточки
Тихо чулочки сняла.

– “Змей не прождал ни минуточки,
Свистнул, – и в горы скорей!”
Мама у сонной малюточки
Шелк расчесала кудрей.

– “Кошку завидевши, курочки
Стали с индюшками в круг”...
Мама у сонной дочурочки
Вынула куклу из рук.

– “Вечером к девочке маленькой
Раз прилетел ангелок”...
Мама над дремлющей Валенькой
Кукле вязала чулок.

Три поцелуя

– “Какие маленькие зубки!
И заводная! В парике!”
Она смеясь прижала губки
К ее руке.

– “Как хорошо уйти от гула!
Ты слышишь скрипку вдалеке?”
Она задумчиво прильнула
К его руке.

– “Отдать всю душу, но кому бы?
Мы счастье строим – на песке!”
Она в слезах прижала губы
К своей руке.

Два в квадрате

Не знали долго ваши взоры,
Кто из сестер для них “она”?
Здесь умолкают все укоры, —
Ведь две мы. Ваша ль то вина?

– “Прошел он!” – “Кто из них? Который?”
К обоим каждая нежна.
Здесь умолкают все укоры. —
Вас двое. Наша ль то вина?

Связь через сны

Всё лишь на миг, что людьми создается,
Блекнет восторг новизны,
Но неизменной, как грусть, остается
Связь через сны.

Успокоенье... Забыть бы... Уснуть бы...
Сладость опущенных век...
Сны открывают грядущего судьбы,
Вяжут навек.

Все мне, что бы ни думал украдкой,
Ясно, как чистый кристалл.
Нас неразрывной и вечной загадкой
Сон сочетал.

Я не молю: “О, Господь, уничтожи
Муку грядущего дня!”
Нет, я молю: “О пошли ему, Боже,
Сон про меня!”

Пусть я при встрече с тобою бледнею, —
Как эти встречи грустны!
Тайна одна. Мы бессильны пред нею:
Связь через сны.

“Не гони мою память! Лазурны края...”

Не гони мою память! Лазурны края,
Где встречалось мечтание наше.
Будь правдивым: не скоро с такою, как я,
Вновь прильнешь ты к серебряной чаше.

Все не нашею волей разрушено. Пусть!
Сладок вздох об утраченном рае!
Весь ты – майский! Тебе моя майская грусть.
Все твое, что пригрезится в мае.

Здесь не надо свиданья. Мы встретимся там,
Где на правду я правдой отвечу;
Каждый вечер по легким и зыбким мостам
Мы выходим друг другу навстречу.

Чуть заввижу знакомый вдали силуэт, —
Бьется сердце то чаще, то реже...
Ты как прежде: не гневный, не мстительный, нет!
И глаза твои, грустные, те же.

Это грезы. Обоим нам ночь дорога,
Все преграды рушащая смело.
Но, проснувшись, мой друг, не гони, как врага,
Образ той, что солгать не сумела.

И когда он возникнет в вечерней тени
Под призывы бывшего напева,
Ты минувшему счастью с улыбкой кивни
И ушедшую вспомни без гнева.

Привет из вагона

Сильнее гул, как будто выше – зданья,
В последний раз колеблется вагон,
В последний раз... Мы едем... До свиданья,
Мой зимний сон!

Мой зимний сон, мой сон до слез хороший,
Я от тебя судьбой унесена.
Так суждено! Не надо мне ни ноши
В пути, ни сна.

Под шум вагона сладко верить чуду
И к дальним дням, еще туманным, плыть.
Мир так широк! Тебя в нем позабуду
Я может быть?

Вагонный мрак как будто давит плечи,
В окно струей вливается туман...
Мой дальний друг, пойми – все эти речи
Самообман!

Что новый край? Везде борьба со скукой,
Все тот же смех и блески тех же звезд,
И там, как здесь, мне будет сладкой мукой
Твой тихий жест.

9 июня 1910

Зеленое ожерелье

Целый вечер играли и тешились мы ожерельем
Из зеленых, до дна отражающих взоры, камней.
Ты непрочную нить потянул слишком сильно,
И посыпались камни обильно,
При падении сверкая сильней.
Мы в тоске разошлись по своим неустроенным кельям.

Не одно ожерелье вокруг наших трепетных пальцев
Обовьется еще, отдавая нас новым огням.
Нам к сокровищам бездн все дороги открыты,
Наши жадные взоры не сыты,
И ко всем драгоценным камням
Направляем шаги мы с покорностью вечных скитальцев.

Пусть погибла виной одного из движений нежданных
Только раз в этом мире, лишь нам заблестевшая нить!
Пусть над пламенным прошлым холодные плиты!
Разве сможем мы те хризолиты
Придорожным стеклом заменить?
Нет, не надо замен! Нет, не надо подделок стеклянных!

“Наши души, не правда ль, еще не привыкли к разлуке...”

Наши души, не правда ль, еще не привыкли к разлуке?
Все друг друга зовут трепетанием блещущих крыл!
Кто-то высший развел эти нежно-сплетенные руки,
Но о помнящих душах забыл.

Каждый вечер, зажженный по воле волшебницы кроткой,
Каждый вечер, когда над горами и в сердце туман,
К забывшей душе неуверенно-робкой походкой
Приближается прежний обман.

Словно ветер, что беглым порывом минувшее будит,
Ты из блещущих строчек опять улыбаешься мне.
Все позволено, все! Нас дневная тоска не осудит:
Ты из сна, я во сне...

Кто-то высший нас предал неназванно-сладостной муке,
(Будет много блужданий-скитаний средь снега и тьмы!)
Кто-то высший развел эти нежно-сплетенные руки...
Не ответственные мы!

Кроме любви

Не любила, но плакала. Нет, не любила, но все же
Лишь тебе указала в тени обожаемый лик.
Было все в нашем сне на любовь не похоже:
Ни причин, ни улик.

Только нам этот образ кивнул из вечернего зала,
Только мы – ты и я – принесли ему жалобный стих.
Обожания нить нас сильнее связала,
Чем влюбленность – других.

Но порыв миновал, и приблизился ласково кто-то,
Кто молиться не мог, но любил. Осуждать не спеши!
Ты мне памятен будешь, как самая нежная нота
В пробужденьи души.

В этой грустной душе ты бродил, как в незапертом доме...
(В нашем доме, весною...) Забывшей меня не зови!
Все минуты свои я тобою наполнила, кроме
Самой грустной – любви.

Плохое оправдание

Как влюбленность старо, как любовь забываемо-ново:
Утро в карточный домик, смеясь, превращает наш храм.
О, мучительный стыд за вечернее лишнее слово!
О, тоска по утрам!

Утонула в заре голубая, как месяц, трирема,
О прощании с нею пусть лучше не пишет перо!
Утро в жалкий пустырь превращает наш сад из Эдема...
Как влюбленность – старо!

Только ночью душе посылаются знаки оттуда,
Оттого все ночное, как книгу от всех береги!
Никому не шепни, просыпаясь, про нежное чудо:
Свет и чудо – враги!

Твой восторженный бред, светом розовых люстр золоченый,
Будет утром смешон. Пусть его не услышит рассвет!
Будет утром – мудрец, будет утром – холодный ученый
Тот, кто ночью – поэт.

Как могла я, лишь ночью живя и дыша, как могла я
Лучший вечер отдать на терзанье январскому дню?
Только утро виню я, прошедшему вздох посылая,
Только утро виню!

Предсказанье

– “У вас в душе приливы и отливы!”
Ты сам сказал, ты это понял сам!
О, как же ты, не верящий часам,
Мог осудить меня за миг счастливый?

Что принесет грядущая минута?
Чей давний образ вынырнет из сна?
Веселый день, а завтра ночь грустна...
Как осуждать за что-то, почему-то?

О, как ты мог! О, мудрый, как могли вы
Сказать “враги” двум белым парусам?
Ведь знали вы... Ты это понял сам:
В моей душе приливы и отливы!

Оба луча

Солнечный? Лунный? О мудрые Парки,
Что мне ответить? Ни воли, ни сил!
Луч серебристый молился, а яркий
Нежно любил.

Солнечный? Лунный? Напрасная битва!
Каждую искорку, сердце, лови!
В каждой молитве — любовь, и молитва —
В каждой любви!

Знаю одно лишь: погашенных в плаче
Жалкая мне не заменит свеча.
Буду любить, не умея иначе —
Оба луча!

Weisser Hirsch, лето 1910

Детская

Наша встреча была – в полумраке беседа
Полувзрослого с полудетьми.
Хлопья снега за окнами, песни метели...
Мы из детской уйти не хотели,
Вместо сказки не жаждали бреда...
Если можешь – пойми!

Мы любили тебя – как могли, как умели;
Целый сад в наших душах бы мог расцвести,
Мы бы рай увидали воочью!..
Но, испуганы зимнею ночью,
Мы из детской уйти не посмели...
Если можешь – прости!

Разные дети

Есть тихие дети. Дремать на плече
У ласковой мамы им сладко и днем.
Их слабые ручки не рвутся к свече, —
Они не играют с огнем.

Есть дети – как искры: им пламя сродни.
Напрасно их учат: “Ведь жжется, не тронь!”
Они своенравны (ведь искры они!)
И смело хватают огонь.

Есть странные дети: в них дерзость и страх.
Крестом потихоньку себя осея,
Подходят, не смеют, бледнеют в слезах
И плача бегут от огня.

Мой милый! Был слишком небрежен твой суд:
“Огня побоялась – так гибни во мгле!”
Твои обвинения мне сердце грызут
И душу пригнули к земле.

Есть странные дети: от страхов своих
Они погибают в туманные дни.
Им нету спасенья. Подумай о них
И слишком меня не вини!

Ты душу надолго пригнул мне к земле...
– Мой милый, был так беспощаден твой суд! —
Но все же я сердцем твоя – и во мгле
“За несколько светлых минут!”

Наша зала

Мне тихонько шепнула вечерняя зала
Укоряющим тоном, как няня любовно:
– “Почему ты по дому скитаешься, словно
Только утром приехав с вокзала?”

Беспорядочной грудой разбросаны вещи,
Погляди, как растрепаны пыльные ноты!
Хоть как прежде с покорностью смотришь в окно ты,
Но шаги твои мерные резче.

В этом дремлющем доме ты словно чужая,
Словно грустная гостья, без силы к утехам.
Никого не встречаешь взволнованным смехом,
Ни о ком не грустишь, провожая.

Много женщин видала на долгом веку я,
– В этом доме их муки, увы, не случайны! —
Мне в октябрьский вечер тяжелые тайны
Не одна поверяла, тоскуя.

О, не бойся меня, не противься упрямо:
Как столетняя зала внимает не каждый!
Все скажи мне, как все рассказала однажды
Мне твоя одинокая мама.

Я слежу за тобою внимательным взглядом,
Облегчи свою душу рассказом нескорым!
Почему не с тобой он, тот милый, с которым
Ты когда-то здесь грезила рядом?”

– “К смелым душам, творящим лишь страсти веленье,
Он умчался, в моей не дождавшись прилива.
Я в решительный вечер была боязлива,
Эти муки – мое искупление.

Этим поздним укором я душу связала,
Как предателя бросив ее на солому,
И теперь я бездушно скитаюсь по дому,
Словно утром приехав с вокзала”.

“По тебе тоскует наша зала...”

По тебе тоскует наша зала,
— Ты в тени ее видал едва —
По тебе тоскуют те слова,
Что в тени тебе я не сказала.
Каждый вечер я скитаюсь в ней,
Повторяя в мыслях жесты, взоры...
На обоях прежние узоры,
Сумрак льется из окна синей;
Те же люстры, полукруг дивана,
(Только жаль, что люстры не горят!)
Филодендронов унылый ряд,
По углам расставленных без плана.
Спичек нет, — уж кто-то их унес!
Серый кот крадется из передней...
Это час моих любимых бредней,
Лучших дум и самых горьких слез.
Кто за делом, кто стремится в гости...
По роялю бродит сонный луч.
Поиграть? Давно потерян ключ!
О часы, свой бой унылый бросьте!
По тебе тоскуют те слова,
Что в тени услышит только зала.
Я тебе так мало рассказала, —
Ты в тени меня видал едва!

“Ваши белые могилки рядом...”

Ваши белые могилки рядом,
Ту же песнь поют колокола
Двум сердцам, которых жизнь была
В зимний день светло расцветшим садом.

Обо всем сказав другому взглядом,
Каждый ждал. Но вот из-за угла
Пронеслась смертельная стрела,
Роковым напитанная ядом.

Спите ж вы, чья жизнь богатым садом
В зимний день, среди снега, расцвела...
Ту же песнь вам шлют колокола,
Ваши белые могилки – рядом.

Weisser Hirsch, лето 1910

“Прости” Нине

Прощай! Не думаю, чтоб снова
Нас в жизни Бог соединил!
Поверь, не хватит наших сил
Для примирительного слова.
Твой нежный образ вечно мил,
Им сердце вечно жить готово, —
Но все ж не думаю, чтоб снова
Нас в жизни Бог соединил!

Ее слова

- “Слова твои льются, участием согреты,
Но темные взгляды в былом”.
- “Не правда ли, милый, так смотрят портреты,
Задетые белым крылом?”
- “Слова твои – струи, вскипают и льются,
Но нежные губы в тоске”.
- “Не правда ли, милый, так дети смеются
Пред львами на красном песке?”
- “Слова твои – песни, в них вызов и силы,
Ты снова, как прежде, бодра”...
- “Так дети бодрятся, не правда ли, милый,
Которым в кроватку пора?”

Надпись в альбом

Пусть я лишь стих в твоём альбоме,
Едва поющий, как родник;
(Ты стал мне лучшею из книг,
А их немало в старом доме!)

Пусть я лишь стебель, в светлый миг
Тобой, жалеющим, не смятый;
(Ты для меня цветник богатый,
Благоухающий цветник!)

Пусть так. Но вот в полуистоме
Ты над страничкою поник...
Ты вспомнишь все... Ты сдержишь крик...
– Пусть я лишь стих в твоём альбоме!

Сердца и души

Души в нас – залы для редких гостей,
Знающих прелесть тепличных растений.
В них отдыхают от скорбных путей
Разные милые тени.

Тесные келейки – наши сердца.
В них заключенный один до могилы.
В келью мою заточен до конца
Ты без товарища, милый!

Зимой

Снова поют за стенами
Жалобы колоколов...
Несколько улиц меж нами,
Несколько слов!
Город во мгле засыпает,
Серп серебристый возник,
Звездами снег осыпает
Твой воротник.
Ранят ли прошлого зовы?
Долго ли раны болят?
Дразнит заманчиво-новый,
Блещущий взгляд.

Сердцу он (карий иль синий?)
Мудрых важнее страниц!
Белыми делает иней
Стрелы ресниц...
Смолкли без сил за стенами
Жалобы колоколов.
Несколько улиц меж нами,
Несколько слов!
Месяц склоняется чистый
В души поэтов и книг,
Сыплется снег на пушистый
Твой воротник.

Так будет

Словно тихий ребенок, обласканный тьмой,
С бесконечным томленьем в блуждающем взоре,
Ты застыл у окна. В коридоре
Чей-то шаг торопливый – не мой!

Дверь открылась... Морозного ветра струя...
Запах свежести, счастья... Забыты тревоги...
Миг молчанья, и вот на пороге
Кто-то слабо смеется – не я!

Тень трамваев, как прежде, бежит по стене,
Шум оркестра внизу осторожней и глуше...
– “Пусть сольются без слов наши души!”
Ты взволнованно шепчешь – не мне!

– “Сколько книг!.. Мне казалось... Не надо огня:
Так уютней... Забыла сейчас все слова я”...
Видят беглые тени трамвая
На диване с тобой – не меня!

Правда

*Vitam impendere vero.*¹⁴

Мир утомленный вздохнул от смятений,
Розовый вечер струит забытьё...
Нас разлучили не люди, а тени,
Мальчик мой, сердце мое!

Высятся стены, туманом одеты,
Солнце без сил уронило копье...
В мире вечернем мне холодно. Где ты,
Мальчик мой, сердце мое?

Ты не услышишь. Надвинулись стены,
Все потухает, сливается все...
Не было, нет и не будет замены,
Мальчик мой, сердце мое!

Москва, 27 августа 1910

¹⁴ Отдать жизнь за правду (лат.).

Стук в дверь

Сердце дремлет, но сердце так чутко,
Помнит все: и блаженство, и боль.
Те лучи догорели давно ль?
Как забыть тебя, грустный малютка,
Синеглазый малютка король?

Ты, как прежде, бредешь чрез аллею,
Неуступчив, надменен и дик;
На кудрях – золотящийся блик...
Я молчу, я смущенно не смею
Заглянуть тебе в гаснувший лик.

Я из тех, о мой горестный мальчик,
Что с рожденья не здесь и не там.
О, внемли запоздалым мольбам!
Почему ты с улыбкою пальчик
Приложил осторожно к губам?

В бесконечность ступень поманила,
Но, увы, обманула ступень:
Бесконечность окончилась в день!
Я для тени тебе изменила,
Изменила для тени мне тень.

Счастье

– “Ты прежде лишь розы ценила,
В кудрях твоих венчик другой.
Ты страстным цветам изменила?”
– “Во имя твое, дорогой!”

– “Мне ландышей надо в апреле,
Я в мае топчу их ногой.
Что шепчешь в ответ еле-еле?”
– “Во имя твое, дорогой!”

– “Мне мил колокольчик-бубенчик,
Его я пребуду слугой.
Ты молча срываешь свой венчик?”
– “Во имя твое, дорогой!”

Невестам мудрецов

Над ними древность простирает длани,
Им светит рок сияньем вещих глаз,
Их каждый миг – мучительный экстаз.
Вы перед ними – щепки в океане!
Для них любовь – минутный луч в тумане,
Единый свет немеркнувший – для вас.

Вы лишь в любви таинственно-богаты,
В ней все: пожар и голубые льды,
Последний луч и первый луч звезды,
Все ручейки, все травы, все закаты!..
– Над ними лик склоняется Гекаты,
Им лунной Греции цветут сады...

Они покой находят в Гераклите,
Орфея тень им зажигает взор...
А что у вас? Один венчальный флер!
Вяжите крепче золотые нити
И каждый миг молитвенно стелите
Свою любовь, как маленький ковер!

Еще молитва

И опять пред Тобой я склоняю колени,
В отдаленьи завидев Твой звездный венец.
Дай понять мне, Христос, что не все только тени,
Дай не тень мне обнять, наконец!

Я измучена этими длинными днями
Без заботы, без цели, всегда в полумгле...
Можно тени любить, но живут ли теньями
Восемнадцать лет на земле?

И поют ведь, и пишут, что счастье вначале!
Расцвести всей душой бы ликующей, всей!
Но не правда ль: ведь счастья нет, вне печали?
Кроме мертвых, ведь нету друзей?

Ведь от века зажженные верой иною
Укрывались от мира в безлюдьи пустынь?
Нет, не надо улыбок, добытых ценою
Осквернения высших святынь.

Мне не надо блаженства ценой унижений.
Мне не надо любви! Я грущу – не о ней.
Дай мне душу, Спаситель, отдать – только тени
В тихом царстве любимых теней.

Москва, осень, 1910

Осужденные

Сестрам Тургеневым

У них глаза одни и те же
И те же голоса.
Одна цветок неживше-свежий,
Другая луч, что блещет реже,
В глазах у третьей – небо. Где же
Такие встретишь небеса?

Им отдала при первой встрече
Я чаянье свое.
Одна глядит, как тают свечи,
Другая вся в капризной речи,
А третьей так поникли плечи,
Что плачешь за нее.

Одна, безмолвием пугая,
Под игом тишины;
Еще изменчива другая,
А третья ждет, изнемогая...
И все, от жизни убегая,
Уже осуждены.

Москва, осень 1910

Из сказки в жизнь

Хоть в вагоне темном и неловко,
Хорошо под шум колес уснуть!
Добрый путь, Жемчужная Головка,
Добрый путь!

Никому – с участием или гневно —
Не позволю в былое заглянуть.
Добрый путь, погибшая царица,
Добрый путь!

В зеркале книги м. Д.-В.

Это сердце – мое! Эти строки – мои!
Ты живешь, ты во мне, Марселина!
Уж испуганный стих не молчит в забыты,
И слезами растаяла льдина.

Мы вдвоем отдались, мы страдали вдвоем,
Мы, любя, полюбили на муку!
Та же скорбь нас пронзила и тем же копьем,
И на лбу утомленно-горячем своем
Я прохладную чувствую руку.

Я, лобзанья прося, получила копье!
Я, как ты, не нашла властелина!..
Эти строки – мои! Это сердце – мое!
Кто же, ты или я – Марселина?

Эстеты

Наши встречи, – только ими дышим все мы,
Их предчувствие лелея в каждом миге, —
Вы узнаете, разрезав наши книги.
Все, что любим мы и верим – только темы.

Сновидение друг другу подарив, мы
Расстаемся, в жажде новых сновидений,
Для себя и для другого – только тени,
Для читающих об этом – только рифмы.

Они и мы

Героини испанских преданий
Умирали, любя,
Без укоров, без слез, без рыданий.
Мы же детски боимся страданий
И умеем лишь плакать, любя.

Пышность замков, разгульность охоты,
Испытання тюрьмы, —
Все нас манит, но спросят нас: “Кто ты?”
Мы согнать не сумеем дремоты
И сказать не сумеем, кто мы.

Мы все книги подряд, все напевы!
Потому на заре
Детский грех непонятен нам Евы.
Потому, как испанские девы,
Мы не гибнем, любя, на костре.

“Безнадежно-взрослый Вы? О, нет...”

Безнадежно-взрослый Вы? О, нет!
Вы дитя и Вам нужны игрушки,
Потому я и боюсь ловушки,
Потому и сдержан мой привет.
Безнадежно-взрослый Вы? О, нет!

Вы дитя, а дети так жестоки:
С бедной куклы рвут, шутя, парик,
Вечно лгут и дразнят каждый миг,
В детях рай, но в детях все пороки, —
Потому надменны эти строки.

Кто из них доволен дележом?
Кто из них не плачет после елки?
Их слова неумолимо-колки,
В них огонь, зажженный мятежом.
Кто из них доволен дележом?

Есть, о да, иные дети – тайны,
Темный мир глядит из темных глаз.
Но они отшельники меж нас,
Их шаги по улицам случайны.
Вы – дитя. Но все ли дети – тайны?!

Москва, 27 ноября 1910

Маме

Как много забвением темным
Из сердца навек унеслось!
Печальные губы мы помним
И пышные пряди волос,

Замедленный вздох над тетрадкой
И в ярких рубинах кольцо,
Когда над уютной кроватью
Твое улыбалось лицо.

Мы помним о раненых птицах
Твою молодую печаль
И капельки слез на ресницах,
Когда умолкала рояль.

В субботу

Темнеет... Готовятся к чаю...
Дремлет Ася под маминой шубой.
Я страшную сказку читаю
О старой колдунье беззубой.

О старой колдунье, о гномах,
О принцессе, ушедшей закатом.
Как жутко в лесах незнакомых
Бродить ей с невидящим братом!

Одна у колдуньи забота:
Подвести его к пропасти прямо!
Темнеет... Сегодня Суббота,
И будет печальная мама.

Темнеет... Не помнишь о часе.
Из столовой позвали нас к чаю.
Клубочком свернувшейся Асе
Я страшную сказку читаю.

“Курлык”

Детство: молчание дома большого,
Страшной колдуньи оскаленный клык;
Детство: одно непонятное слово,
Милое слово “курлык”.

Вдруг беспричинно в парадной столовой
Чопорной гостье покажешь язык
И задрожешь и заплачешь под слово,
Глупое слово “курлык”.

Бедная Fraulein¹⁵ в накидке лиловой,
Шею до боли стянувший башлык, —
Все воскресает под милое слово,
Детское слово “курлык”.

¹⁵ Барышня (нем.).

После праздника

У мамы сегодня печальные глазки,
Которых и дети и няня боятся.
Не смотрят они на солдатика в каске
И даже не видят паяца.

У мамы сегодня прозрачные жилки
Особенно сини на маленьких ручках.
Она не сердита на грязные вилки
И детские губы в тянучках.

У мамы сегодня ни песен, ни сказки,
Бледнее, чем прежде, холодные щечки,
И даже не хочет в правдивые глазки
Взглянуть она маленькой дочке.

В классе

Скомкали фартук холодные ручки,
Вся побледнела, дрожит баловница.
Бабушка будет печальна: у внучки
Вдруг – единица!

Смотрит учитель, как будто не веря
Этим слезам в опустившемся взоре.
Ах, единица большая потеря!
Первое горе!

Слезка за слезкой упали, сверкая,
В белых кругах уплывает страница...
Разве учитель узнает, какая
Боль – единица?

На бульваре

В небе – вечер, в небе – тучки,
В зимнем сумраке бульвар.
Наша девочка устала,
Улыбаться перестала.
Держат маленькие ручки
Синий шар.

Бедным пальчикам неловко:
Синий шар стремится вдаль.
Не дается счастье даром!
Сколько муки с этим шаром!
Миг – и выскользнет веревка.
Что останется? Печаль.

Утомились наши ручки,
– В зимнем сумраке бульвар. —
Наша детка побежала,
Ручки сонные разжала...
Мчится в розовые тучки
Синий шар.

Совет

“Если хочешь ты папе советом помочь”,
Шепчет папа любимице-дочке,
“Будут целую ночь, будут целую ночь
Над тобою летать ангелочки.

Блещут крылышки их, а на самых концах
Шелестят серебристые блески.
Что мне делать, дитя, чтоб у мамы в глазах
Не дрожали печальные слезки?

Плещут крылышки их и шумят у дверей.
Все цвета ты увидишь, все краски!
Чем мне маме помочь? Отвечай же скорей!”
– “Я скажу: расцелуй ее в глазки!

А теперь ты беги (только свечку задуй
И сложи аккуратно чулочки).
И сильнее беги, и сильнее целуй!
Будут, папа, летать ангелочки?”

Мальчик с розой

Хорошо невзрослой быть и сладко
О невзрослом грезить вечерами!
Вот в тени уютная кровать
И портрет над нею в темной раме.

На портрете белокурый мальчик
Уронил увянувшую розу,
И к губам его прижатый пальчик
Затаил упрямую угрозу.

Этот мальчик был любимец графа,
С колыбели грезивший о шпаге,
Но открыл он, бедный, дверцу шкафа,
Где лежали тайные бумаги.

Был он спрошен и солгал в ответе,
Затаив упрямую угрозу.
Только розу он любил на свете
И погиб изменником за розу.

Меж бровей его застыла складка,
Он печален в потемневшей раме...
Хорошо невзрослой быть и сладко
О невзрослом плакать вечерами!

Колыбельная песня Асе

Спи, царевна! Уж в долине
Колокол затих,
Уж коснулся сумрак синий
Башмачков твоих.

Чуть колышутся березы,
Ветерок свежей.
Ты во сне увидишь слезы
Брошенных пажей.

Тронет землю легким взмахом
Трепетный плюмаж.
Обо всем шепнет со страхом
Непокорный паж.

Будут споры... и уступки,
(Ах, нельзя без них!)
И коснутся чьи-то губки
Башмачков твоих.

Подрастающей

Опять за окнами снежок
Светло украсил ель...
Зачем переросла, дружок,
Свою ты колыбель?

Летят снежинки, льнут ко всем
И тают без числа...
Зачем, ты, глупая, зачем
Ее переросла?

В ней не давила тяжесть дней,
В ней так легко спалось!
Теперь глаза твои темней
И золото волос...

Широкий мир твой взгляд зажег,
Но счастье даст тебе ль?
Зачем переросла, дружок,
Свою ты колыбель?

Волшебник

Непонятный учебник,
Чуть умолкли шаги, я на стул уронила скорей.
Вдруг я вижу: стоит у дверей
И не знает, войти ли и хитро мигает волшебник.

До земли борода,
Темный плащ розоватым огнем отливает...
И стоит и кивает
И кивая глядит, а под каждую бровью – звезда.

Я навстречу и мигом
Незнакомому гостю свой стул подаю.
“Знаю мудрость твою,
Ведь и сам ты не друг непонятым и путаным книгам.

Я устала от книг!
Разве сердце от слов напечатанных бьется?”
Он стоит и смеется:
“Ты, шалунья, права! Я для деток веселый шутник.

Что для взрослых – вериги,
Для шалуньи, как ты, для свободной души – волшебство.
Так проси же всего!”
Я за шею его обняла: “Уничтожь мои книги!

Я веселья не вижу ни в чем,
Я на маму сержусь, я с учителем спорю.
Увези меня к морю!
Посильней обними и покрепче укутай плащом!

Надоевший учебник
Разве стоит твоих серебристых и пышных кудрей?”
Вдруг я вижу: стоит у дверей
И не знает, уйти ли и грустно кивает волшебник.

Первая роза

Девочка мальчику розу дарит,
Первую розу с куста.
Девочку мальчик целует в уста,
Первым лобзаньем дарит.

Солнышко скрылось, аллея пуста...
Стыдно в уста целовать!
Девочка, надо ли было срывать
Первую розу с куста?

Исповедь

Улыбаясь, милым крошкой звали,
Для игры сажали на колени...
Я дрожал от их прикосновений
И не смел уйти, уже неправый.
А они упряма для забавы
Целовали!

В их очах я видел океаны,
В их речах я пенье ночи слышал.
“Ты поэт у нас! В кого ты вышел?”
Сколько горечи в таких вопросах!
Ведь ко мне клонился в темных косах
Лик Татьяны!

На заре я приносил букеты,
У дверей шепча с последней дрожью:
“Если да, – зачем же мучить ложью?
Если нет, – зачем же целовали?”
А они с улыбкою давали
Мне конфеты.

Девочка-смерть

Луна омывала холодный паркет
Молочной и ровной волной.
К горячей щеке прижимая букет,
Я сладко дремал под луной.

Сияньем и сном растревожен вдвойне,
Я сонные глазки открыл,
И девочка-смерть наклонилась ко мне,
Как розовый ангел без крыл.

На тоненькой шее дрожит медальон,
Румянец струится вдоль щек,
И видно бежала: чуть-чуть запылен
Ее голубой башмачок.

Затейлив узор золотой бахромы,
В кудрях бирюзовая нить.
“Ты – маленький мальчик, я – девочка: мы
Дорогою будем шалить.

Надень же (ты – рыцарь) мой шарф кружевной!”
Я молча ей подал букет...
Молочной и ровной, холодной волной
Луна омывала паркет.

Мальчик-бред

Алых роз и алых маков
Я принес тебе букет.
Я ни в чем не одинаков,
Я – веселый мальчик-бред.

Свечку желтую задую, —
Будет розовый фонарь.
Диадему золотую
Я надену, словно царь.

Полно, царь ли? Я волшебник,
Повелитель сонных царств,
Исцеляющий лечебник
Без пилюль и без лекарств.

Что лекарства! Что пилюли!
Будем, детка, танцевать!
Уж летит верхом на стуле
Опустевшая кровать.

Алый змей шуршит и вьется,
А откуда, – мой секрет!
Я смеюсь, и все смеется.
Я – веселый мальчик-бред!

Принц и лебеди

В тихий час, когда лучи неярки
И душа устала от людей,
В золотом и величавом парке
Я кормлю спокойных лебедей.

Догорел вечерний праздник неба.
(Ах, и небо устает пылать!)
Я стою, роняя крошки хлеба
В золотую, розовую гладь.

Уплывают беленькие крошки,
Покружась меж листьев золотых.
Тихий луч мои целует ножки
И дрожит на прядях завитых.

Затенен задумчивой колонной,
Я стою и наблюдаю я,
Как мой дар с печалью благосклонной
Принимают белые друзья.

В темный час, когда мы все лелеем,
И душа томится без людей,
Во дворец по меркнувшим аллеям
Я иду от белых лебедей.

За книгами

“Мама, милая, не мучь же!
Мы поедем или нет?”
Я большая, – мне семь лет,
Я упряма, – это лучше.

Удивительно упряма:
Скажут нет, а будет да.
Не поддамся никогда,
Это ясно знает мама.

“Поиграй, возьми за дело,
Домик строй”. – “А где картон?”
“Что за тон?” – “Совсем не тон!
Просто жить мне надоело!

Надоело... жить... на свете,
Все большие – палачи,
Давид Копперфильд”... – “Молчи!
Няня, шубу! Что за дети!”

Прямо в рот летят снежинки...
Огонечки фонарей...
“Ну, извозчик, поскорей!
Будут, мамочка, картинки?”

Сколько книг! Какая давка!
Сколько книг! Я все прочту!
В сердце радость, а во рту
Вкус соленого прилавка.

Неравные братья

“Я колдун, а ты мой брат”.
“Ты меня посадишь в яму!”
“Ты мой брат и ты не рад?”
“Спросим маму!”

“Хорошо, так ты солдат”.
“Я всегда играл за даму!”
“Ты солдат и ты не рад?”
“Спросим маму!”

“Я придумал: акробат”.
“Не хочу такого сраму!”
“Акробат – и ты не рад?”
“Спросим маму!”

Скучные игры

Глупую куклу со стула
Я подняла и одела.
Куклу я на пол швырнула:
В маму играть – надоело!

Не поднимаясь со стула
Долго я в книгу глядела.
Книгу я на пол швырнула:
В папу играть – надоело!

Мятежники

Что за мука и нелепость
Этот вечный страх тюрьмы!
Нас домой зовут, а мы
Строим крепость.

Как помочь такому горю?
Остается лишь одно:
Изловчиться – и в окно,
Прямо к морю!

Мы – свободные пираты,
Смелым быть – наш первый долг.
Ненавистный голос смолк.
За лопаты!

Слов не слышно в этом вое,
Ветер, море, – все за нас.
Наша крепость поднялась,
Мы – герои!

Будет славное сражение.
Ну, товарищи, вперед!
Враг не ждет, а подождет
Умножение.

Живая цепочка

Эти ручки кто расцепит,
Чья тяжелая рука?
Их цепочка так легка
Под умильный детский лепет.

Кто сплетенные разнимет?
Перед ними каждый – трус!
Эту тяжесть, этот груз
Кто у мамы с шеи снимет?

А удастся, – в миг у дочки
Будут капельки в глазах.
Будет девочка в слезах,
Будет мама без цепочки.

И умолкнет милый лепет,
Кто-то всхлипнет; скрипнет дверь...
Кто разнимет их теперь
Эти ручки, кто расцепит?

Баярд

За умноженьем – черепаха,
Зато чертенок за игрой,
Мой первый рыцарь был без страха,
Не без упрека, но герой!

Его в мечтах носили кони,
Он был разбойником в лесу,
Но приносил мне на ладони
С магнолий снятую росу.

Ему на шее загорелой
Я поправляла талисман,
И мне, как он чужой и смелой,
Он покорялся, атаман!

Улыбкой принц и школьник платьем,
С кудрями точно из огня,
Учителям он был проклятьем
И совершенством для меня!

За принуждение мстил жестоко, —
Великий враг чернил и парт!
И был, хотя не без упрека,
Не без упрека, но Баярд!

Мама на даче

Мы на даче: за лугом Ока серебрится,
Серебрится, как новый клинок.
Наша мама сегодня царица,
На головке у мамы венок.

Наша мама не любит тяжелой прически, —
Только время и шпильки терять!
Тихий лучик упал сквозь березки
На одну шелковистую прядь.

В небе облачко плыло и плакало, тая.
Назвала его мама судьбой.
Наша мама теперь золотая,
А венок у нее голубой.

Два веночка на ней, два венка, в самом деле:
Из цветов, а другой из лучей.
Это мы васильковый надели,
А другой, золотистый – ничей.

Скоро вечер: за лесом луна загорится,
На плотях заблестят огоньки...
Наша мама сегодня царица,
На головке у мамы венки.

Жар-птица

Максу Волошину

Нет возможности, хоть брось!
Что ни буква – клякса,
Строчка вкривь и строчка вкось,
Строчки веером, – все врозь!
Нету сил у Макса!

– “Барин, кушать!” Что еда!
Блюдо вечно блюдо
И вода всегда вода.
Что еда ему, когда
Ожидает чудо?

У больших об этом речь,
А большие правы.
Не спешит в постельку лечь,
Должен птицу он стеречь,
Богатырь кудрявый.

Уж часы двенадцать бьют,
(Бой промчался резкий),
Над подушкой сны встают
В складках занавески.

Промелькнет – не Рыба-Кит,
Трудно ухватиться!
Точно радуга блестит!
Почему же не летит
Чудная Жар-Птица?

Плакать – глупо. Он не глуп,
Он совсем не плакса,
Не надует гордых губ, —
Ведь Жар-Птица, а не суп
Ожидает Макса!

Как зарница! На хвосте
Золотые блески!
Много птиц, да все не те...
На ресницах в темноте
Засияли слезки.

Он тесней к окну приник:
Серые фигуры...
Вдалеке унылый крик...

– В эту ночь он все постиг,
Мальчик белокурый!

“Так”

“Почему ты плачешь?” – “Так”.
“Плакать “так” смешно и глупо.
Зареветь, не кончив супа!
Отними от глаз кулак!

Если плачешь, есть причина.
Я отец и я не враг.
Почему ты плачешь?” – “Так”.
“Ну, какой же ты мужчина?

Отними от глаз кулак!
Что за нрав такой? Откуда?
Рассержусь, и будет худо!
Почему ты плачешь?” – “Так”.

Молитва в столовой

Самовар отшумевший заглох;
Погружается дом в полутьму.
Мне счастья не надо, – ему
Отдай мое счастье, Бог!

Зимний сумрак касается роз
На обоях и ярких углей.
Пошли ему вечер светлей,
Теплее, чем мне, Христос!

Я сдержу и улыбку и вздох,
Я с проклятием рук не сожму,
Но только – дай счастье ему,
О, дай ему счастье, Бог!

“Мы с тобою лишь два отголоска...”

Мы с тобою лишь два отголоска:
Ты затихнул, и я замолчу.
Мы когда-то с покорностью воска
Отдались роковому лучу.

Это чувство сладчайшим недугом
Наши души терзало и жгло.
Оттого тебя чувствовать другом
Мне порою до слез тяжело.

Станет горечь улыбкою скоро,
И усталостью станет печаль.
Жаль не слова, поверь, и не взора, —
Только тайны утраченной жаль!

От тебя, утомленный анатом,
Я познала сладчайшее зло.
Оттого тебя чувствовать братом
Мне порою до слез тяжело.

Юнге

Сыплут волны, с колесами споря,
Серебристые брызги вокруг.
Ни смущения в сердце, ни горя, —
Будь счастливым, мой маленький друг!

В синеву беспокойного моря
Выплывает отважный фрегат.
Ни смущения в сердце, ни горя, —
Будь счастливым, мой маленький брат!

Очаг мудреца

Не поэтом он был: в незнакомом
Не искал позабытых созвучий,
Без гнева на звезды и тучи
Наклонялся над греческим томом.

За окнами жизнь засыпала,
Уступала забвенью измена,
За окнами пышная пена
За фонтаном фонтан рассыпала.

В тот вечер случилось (ведь – странно,
Мы не знаем грядущего мига!),
Что с колен его мудрая книга
На ковер соскользнула нежданно.

И комната стала каютой,
Где душа говорит с тишиною...
Он плыл, убаюкан волною,
Окруженный волненьем и смутой.

Дорогие, знакомые виды
Из рам потемневших кивали,
А за окнами там проплывали
И вздыхали, плывя, Нереиды.

Путь креста

Сколько светлых возможностей ты погубил, не желая.
Было больше их в сердце, чем в небе сияющих звезд.
Лучезарного дня после стольких мучений ждала я,
Получила лишь крест.

Что горело во мне? Назови это чувство любовью,
Если хочешь, иль сном, только правды от сердца не скрой:
Я сумела бы, друг, подойти к твоему изголовью
Осторожной сестрой.

Я кумиров твоих не коснулась бы дерзко и смело,
Ни любимых имен, ни безумно-оплаканных книг.
Как больное дитя я тебя б убаюкать сумела
В неутешенный миг.

Сколько светлых возможностей, милый, и сколько смятений!
Было больше их в сердце, чем в небе сияющих звезд...
Но во имя твое я без слез – мне свидетели тени —
Поднимаю свой крест.

Памятью сердца

Памятью сердца – венком незабудок
Я окружила твой милый портрет.
Днем утоляет и лечит рассудок,
Вечером – нет.

Бродят шаги в опечаленной зале,
Бродят и ждут, не идут ли в ответ.
“Все заживает”, мне люди сказали...
Вечером – нет.

Добрый путь!

В мои глаза несмело
Ты хочешь заглянуть.
За лугом солнце село...
Мой мальчик, добрый путь!

Любви при первой встрече
Отдайся и забудь.
Уж на балконе свечи...
Мой мальчик, добрый путь!

Успокоенье – сердцу,
Позволь ему уснуть!
Я распахнула дверцу...
Мой мальчик, добрый путь!

Победа

Но и у нас есть волшебная чаша,
(В сонные дни вы потянетесь к ней!)
Но и у нас есть улыбка, и наша
Тайна темней.

Тень Эвридики и факел Гекаты, —
Все промелькнет, исчезая в одном.
Наша победа: мы вечно богаты
Новым вином!

В раю

Воспоминанье слишком давит плечи,
Я о земном заплачу и в раю,
Я старых слов при нашей новой встрече
Не утаю.

Где сонмы ангелов летают стройно,
Где арфы, лилии и детский хор,
Где все покой, я буду беспокойно
Ловить твой взор.

Виденья райские с усмешкой провожая,
Одна в кругу невинно-строгих дев,
Я буду петь, земная и чужая,
Земной напев!

Воспоминанье слишком давит плечи,
Настанет миг, – я слез не утаю...
Ни здесь, ни там, – нигде не надо встречи,
И не для встреч проснемся мы в раю!

Ни здесь, ни там

Опять сияющим крестам
Поют хвалу колокола.
Я вся дрожу, я поняла,
Они поют: “и здесь и там”.

Улыбка просится к устам,
Еще стремительней хвала...
Как ошибиться я могла?
Они поют: “не здесь, а там”.

О, пусть сияющим крестам
Поют хвалу колокола...
Я слишком ясно поняла:
“Ни здесь, ни там... Ни здесь, ни там”...

Последняя встреча

О, я помню прощальные речи,
Их шептавшие помню уста.
“Только чистым даруются встречи.
Мы увидимся, будь же чиста”.

Я учителю молча внимала.
Был он нежность и ласковость весь.
Он о “там” говорил, но как мало
Это “там” заменяло мне “здесь”!

Тишина посылается роком, —
Тем и вечны слова, что тихи.
Говорил он о самом глубоком,
Баратынского вспомнил стихи;

Говорил о игре отражений,
О лучах закатившихся звезд...
Я не помню его выражений,
Но улыбку я помню и жест.

Ни следа от бывшего недуга,
Не мучительно бремя креста.
Только чистые узрят друг друга, —
Мой любимый, я буду чиста!

На заре

Их души неведомым счастьем
Баюкал предутренный гул.
Он с тайным и странным участием
В их детские сны заглянул.

И, сладким предчувствием ранен
Каких-то безудержных гроз,
Спросил он, и был им так странен
Его непонятный вопрос.

Оне, притаясь, промолчали
И молча порвали звено...
За миг бесконечной печали
Да будет ему прощено!

“И как прежде оне улыбались...”

И как прежде оне улыбались,
Обожая изменчивый дым;
И как прежде оне ошибались,
Улыбаясь ошибкам своим;

И как прежде оне безустанно
Отдавались нежданной волне.
Но по-новому грустно и странно
Вечерами молчали оне.

Эпилог

Очарование своих же обетов,
Жажда любви и незнание о ней...
Что же осталось от блещущих дней?
Новый портрет в галерее портретов,
Новая тень меж теней.

Несколько строк из любимых поэтов,
Прелесть опасных, иных ступеней...
Вот и разгадка таинственных дней!
Лишний портрет в галерее портретов,
Лишняя тень меж теней.

Не в нашей власти

Возвращение в жизнь – не обман, не измена.
Пусть твердим мы: “Твоя, вся твоя!” чуть дыша,
Все же сердце вернется из плена,
И вернется душа.

Эти речи в бреду не обманны, не лживы,
(Разве может солгать, – ошибается бред!)
Но проходят недели, – мы живы,
Забывая обет.

В этот миг расставанья мучительно-скорый
Нам казалось: на солнце навек пелена,
Нам казалось: подвинутся горы,
И погаснет луна.

В этот горестный миг – на печаль или радость —
Мы и душу и сердце, мы все отдаем,
Прозревая великую сладость
В отрешенье своем.

К утешителю-сну простираются руки,
Мы томительно спим от зари до зари...
Но за дверью знакомые звуки:
“Мы пришли, отвори!”

В этот миг, улыбаясь раздвинутым стенам,
Мы кидаемся в жизнь, облегченно дыша.
Наше сердце смеется над пленом,
И смеется душа!

Распятие

Ты помнишь? Розовый закат
Ласкал дрожащие листы,
Кидая луч на темный скат
И темные кресты.

Лилось заката торжество,
Смывая боль и тайный грех,
На тельце нежное Того,
Кто распят был за всех.

Закат погас; в последний раз
Блеснуло золото кудрей,
И так светло взглянул на нас
Малютка Назарей.

Мой друг, незнанием томим,
Ты вдаль шагов не устрями:
Там правды нет! Будь вечно с Ним
И с нежными детьми.

И, если сны тебе велят
Идти к “безвестной красоте”,
Ты вспомни безответный взгляд
Ребенка на кресте.

Привет из башни

Скоро вечер: от тьмы не укрыться,
Чья-то тень замелькает в окне...
Уезжай, уезжай же, мой рыцарь,
На своем золотистом коне!

В неизвестном, в сияющем свете
Помяни незнакомку добром!
Уж играет изменчивый ветер
Золотым и зеленым пером.

Здесь оконца узорные узки,
Здесь и утром портреты в тени...
На зеленом, на солнечном спуске
Незнакомку добром помяни!

Видит Бог, от судьбы не укрыться.
Чья-то тень замелькала в окне...
Уезжай, уезжай же, мой рыцарь,
На своем золотистом коне!

Резеда и роза

Один маня, другой с полуугрозой,
Идут цветы блестящей чередой.
Мы на заре клянемся только розой,
Но в поздний час мы дышим резедой.

Один в пути пленяется мимозой,
Другому ландыш мил, блестя в росе. —
Но на заре мы дышим только розой,
Но резедой мы кончаем все!

Итог дня

Ах, какая усталость под вечер!
Недовольство собою и миром и всем!
Слишком много я им улыбалась при встрече,
Улыбалась, не зная зачем.

Слишком много вопросов без жажды
За ответ заплатить возлиянием слез.
Говорили, гадали, и каждый
Неизвестность с собою унес.

Слишком много потупленных взоров,
Слишком много ненужных бесед в терему,
Вышивания бисером слишком ненужных узоров.
Вот гирлянда, вот ангел... К чему?

Ах, какая усталость! Как слабы
Наши лучшие сны! Как легка в обыденность ступень!
Я могла бы уйти, я замкнуться могла бы...
Я Христа предавала весь день!

Молитва лодки

В тихую пристань, где зыблются лодки,
И отдыхают от бурь корабли,
Ты, Всемогущий, и Мудрый, и Кроткий,
Мне, утомленной и маленькой лодке,
Мирно приплыть повели.
В тихую пристань, где зыблются лодки,
И, отдыхая, грустят корабли.

Призрак царевны

С темной веткою шепчется ветка,
Под ногами ложится трава,
Где-то плачет сова...
Дай мне руку, пугливая детка!

Я с тобою, твой рыцарь и друг,
Ты тихонько дрожишь почему-то.
Не ломай своих рук,
А плащом их теплее закутай.

Много странствий он видел и чащ,
В нем от пуль неприятельских дыры.
Ты закутайся в плащ:
Здесь туманы ползучие сыры,

Здесь сгоришь на болотном огне!
Беззащитные руки ломая,
Ты напомнила мне
Ту царевну из дальнего мая,

Ту, любимую слишком давно,
Чьи уста, как рубины горели...
Предо мною окно
И головка в плену ожерелий.

Нежный взор удержать не сумел,
Я, обняв, оторвался жестоко...
Как я мог, как я смел
Погубить эту розу Востока!

С темной веткою шепчется ветка,
Небосклон предрассветный серей.
Дай мне руку скорей
На прощанье, пугливая детка!

Письмо на розовой бумаге

В какой-то дальней рейнской саге
Печальный юноша-герой
Сжигает позднею порой
Письмо на розовой бумаге.

И я, как рыцарь (без пера,
Увы, без шлема и без шпаги!),
Письмо на розовой бумаге
На канделябре сжег вчера.

Его в поход умчали флаги,
Фанфары смех и боя пыл,
И он, счастливый, позабыл
Письмо на розовой бумаге.

Оно погребло на огне,
Но шелестит при каждом шаге,
Письмо на розовой бумаге
Уж не на мне оно, – во мне!

Пусть забывает в дальней саге
Печальный рыцарь грусть свою, —
Ах, я в груди его таю,
Письмо на розовой бумаге!

Два исхода

1. “Со мной в ночи шептались тени...”

Со мной в ночи шептались тени,
Ко мне ласкались кольца дыма,
Я знала тайны всех растений
И песни всех колоколов, —
А люди мимо шли без слов,
Куда-то вдаль спешили мимо.

Я трепетала каждой жилкой
Среди безмолвия ночного,
Над жизнью пламенной и пылкой
Держа задумчивый фонарь...
Я не жила, – так было встарь.
Что было встарь, то будет снова.

2. “С тобой в ночи шептались тени...”

С тобой в ночи шептались тени,
К тебе ласкались кольца дыма,
Ты знала тайны всех растений
И песни всех колоколов, —
А люди мимо шли без слов
Куда-то вдаль спешили мимо.

Ты трепетала каждой жилкой
Среди безмолвия ночного,
Над жизнью пламенной и пылкой
Держа задумчивый фонарь...
Ты не жила, – так было встарь.
Что было встарь, – не будет снова.

На концерте

Странный звук издавала в тот вечер старинная скрипка:
Человеческим горем – и женским! – звучал ее плач.
Улыбался скрипач.
Без конца к утомленным губам возвращалась улыбка.

Странный взгляд посылала к эстраде из сумрачной ложи
Незнакомая дама в уборе лиловых камней.
Взгляд картин и теней!
Неразгаданный взгляд, на рыдание скрипки похожий.

К инструменту летел он стремительно-властно и прямо.
Стон аккорда, – и вдруг оборвался томительный плач...
Улыбался скрипач,
Но глядела в партер – безучастно и весело – дама.

Зимняя сказка

“Не уходи”, они шепнули с лаской,
“Будь с нами весь!
Ты видишь сам, какой нежданной сказкой
Ты встречен здесь”.

“О, подожди”, они просили нежно,
С мольбою рук.
“Смотри, темно на улицах и снежно...
Останься, друг!

О, не буди! На улицах морозно...
Нам нужен сон!”
Но этот крик последний слишком поздно
Расслышал он.

“И уж опять они в полуистоме...”

И уж опять они в полуистоме
О каждом сне волнуются тайком;
И уж опять в полууснувшем доме
Ведут беседу с давним дневником.

Опять под музыку на маленьком диване
Звенит-звучит таинственный рассказ
О рудниках, о мертвом караване,
О подземелье, где зарыт алмаз.

Улыбка сумерок, как прежде, в окна льется;
Как прежде, им о лампе думать лень;
И уж опять из темного колодца
Встает Ундины плачущая тень.

Да, мы по-прежнему мечтою сердце лечим,
В недетский бред вплетая детства нить,
Но близок день, – и станет грезить нечем,
Как и теперь уже нам нечем жить!

Декабрьская сказка

Мы слишком молоды, чтобы простить
Тому, кто в нас развеял чары.
Но, чтоб о нем, ушедшем, не грустить,
Мы слишком стары!

Был замок розовый, как зимняя заря,
Как мир – большой, как ветер – древний.
Мы были дочери почти царя,
Почти царевны.

Отец – волшебник был, седой и злой;
Мы, рассердясь, его сковали;
По вечерам, склоняясь над золой,
Мы колдовали;

Оленя быстрого из рога пили кровь,
Сердца разглядывали в лупы...
А тот, кто верить мог, что есть любовь,
Казался глупый.

Однажды вечером пришел из тьмы
Печальный принц в одежде серой.
Он говорил без веры, ах, а мы
Внимали с верой.

Рассвет декабрьский глядел в окно,
Алели робким светом дали...
Ему спалось и было все равно,
Что мы страдали!

Мы слишком молоды, чтобы забыть
Того, кто в нас развеял чары.
Но, чтоб опять так нежно полюбить —
Мы слишком стары!

Под новый год

Встретим пришельца лампадкой,
Тихим и верным огнем.
Только ни вздоха украдкой,
Ни вздоха о нем!

Яркого света не надо,
Лампу совсем привернем.
Только о лучшем ни взгляда,
Ни взгляда о нем!

Пусть в треволненье беспечном
Год нам покажется днем!
Только ни мысли о вечном,
Ни мысли о нем!

Станем “сестричками” снова,
Крепче друг к другу прильнем.
Только о прошлом ни слова,
Ни слова о нем!

Угольки

В эту ночь он спать не лег,
Все писал при свечке.
Это видел в печке
Красный уголек.

Мальчик плакал и вздыхал
О другом сердечке.
Это в темной печке
Уголек слышал.

Все чужие... Бог далек...
Не было б осечки!
Гаснет, гаснет в печке
Красный уголек.

Дикая воля

Я люблю такие игры,
Где надменны все и злы.
Чтоб врагами были тигры
И орлы!

Чтобы пел надменный голос:
“Гибель здесь, а там тюрьма!”
Чтобы ночь со мной боролась,
Ночь сама!

Я несусь, – за мною пасти,
Я смеюсь, – в руках аркан...
Чтобы рвал меня на части
Ураган!

Чтобы все враги – герои!
Чтоб войной кончался пир!
Чтобы в мире было двое:
Я и мир!

Гимназистка

Я сегодня всю ночь не усну
От волшебного майского гула!
Я тихонько чулки натянула
И скользнула к окну.

Я – мятежница с вихрем в крови,
Признаю только холод и страсть я.
Я читала Бурже: нету счастья
Вне любви!

“Он” отвержен с двенадцати лет,
Только Листа играет и Грига,
Он умен и начитан, как книга,
И поэт!

За один его пламенный взгляд
На колени готова упасть я!
Но родители нашего счастья
Не хотят...

Тройственный союз

У нас за робостью лица
Скрывается иное.
Мы непокорные сердца.
Мы молоды. Нас трое.

Мы за уроком так тихи,
Так пламенны в манеже.
У нас похожие стихи
И сны одни и те же.

Служить свободе – наш девиз,
И кончить, как герои.
Мы тенью Шиллера клялись.
Мы молоды. Нас трое.

Поклонник Байрона

Ему в окно стучатся розы,
Струится вкрадчивый аккорд...
Он не изменит гордой позы,
Поклонник Байрона, – он горд.

В саду из бархата и блесток
Шалит с пастушкой амур.
Не улыбается подросток,
Поклонник Байрона, – он хмур.

Чу! За окном плесканье весел,
На подоконнике букет...
Он задрожал, он книгу бросил.
Прости поклоннику, поэт!

“Он был синеглазый и рыжий...”

Костюмчик полинялый
Мелькает под горой.
Зовет меня на скалы
Мой маленький герой.

Уж открывает где-то
Зеленый глаз маяк.
Печально ждет ответа
Мой маленький моряк.

Уж в зеркале залива
Холодный серп блестит.
Вздыхает терпеливо
Мой маленький бандит.

Сердечко просит ласки, —
Тому виною март.
И вытирает глазки
Мой маленький Баярд.

Под дождем

Медленный дождик идет и идет,
Золото мочит кудрей.
Девочка тихо стоит у дверей,
Девочка ждет.

Серые тучи, а думы серей,
Дума: “Придет? Не придет?”
Мальчик, иди же, беги же скорей:
Девочка ждет!

С каждым мгновеньем, летящим вперед,
Детское сердце мудрей.
Долго ли, мальчик, у первых дверей
Девочка ждет?

После чтения “Les rencontres de m. De Breot” Regner¹⁶

Облачко бело, и мне в облака
Стыдно глядеть вечерами.
О, почему за дарами
К Вам потянулась рука?

Не выдает заколдованный лес
Ласковой тайны мне снова.
О, почему у земного
Я попросила чудес?

Чьи-то обиженно-строги черты
И укоряют в измене.
О, почему не у тени
Я попросила мечты?

Вижу, опять улыбнулось слегка
Нежное личико в раме.
О, почему за дарами
К вам потянулась рука?

Москва, 14 января 1911

¹⁶ “Встречи господина де Брео” Ренье (*фр.*).

Декабрь и январь

В декабре на заре было счастье,
Длилось – миг.
Настоящее, первое счастье
Не из книг!

В январе на заре было горе,
Длилось – час.
Настоящее, горькое горе
В первый раз!

Слезы

Слезы? Мы плачем о темной передней,
Где канделябра никто не зажег;
Плачем о том, что на крыше соседней
Стаял снежок;

Плачем о юных, о вешних березках,
О несмолкающем звоне в тени;
Плачем, как дети, о всех отголосках
В майские дни.

Только слезами мы путь обозначим
В мир упоений, не данный судьбой...
И над озябшим котенком мы плачем,
Как над собой.

Отнято все, – и покой и молчанье.
Милый, ты много из сердца унес!
Но не сумел унести на прощанье
Нескольких слез.

Aeternum vale¹⁷

Aeternum vale! Сброшен крест!
Иду искать под новым бредом
И новых бездн и новых звезд,
От поражения – к победам!

Aeternum vale! Дух окреп
И новым сном из сна разбужен.
Я вся – любовь, и мягкий хлеб
Дареной дружбы мне не нужен.

Aeternum vale! В путь иной
Меня ведет иная твердость.
Меж нами вечною стеной
Неумолимо встала – гордость.

¹⁷ Прощай навеки (лат.).

Детский юг

В каждом случайном объяти
Я вспоминаю ее,
Детское сердце мое,
Девочку в розовом платье.

Где-то в горах огоньки,
(Видно, душа над могилой).
Синие глазки у милой
И до плечей завитки.

Облаком пар из пекарен,
Воздух удушливый прян,
Где-то рокошет фонтан,
Что-то лопочет татарин.

Жмутся к холодной щеке
Похолодевшие губки;
Нежные ручки так хрупки
В похолодевшей руке...

В чьем опьяненном объяти
Ты обрела забытье,
Лучшее сердце мое,
Девочка в розовом платье.

*Гурзуф, Генуэзская крепость,
апрель 1911*

Только девочка

Я только девочка. Мой долг
До брачного венца
Не забывать, что всюду – волк
И помнить: я – овца.

Мечтать о замке золотом,
Качать, кружить, трясти
Сначала куклу, а потом
Не куклу, а почти.

В моей руке не быть мечу,
Не зазвенеть струне.
Я только девочка, – молчу.
Ах, если бы и мне

Взглянув на звезды знать, что там
И мне звезда зажглась
И улыбаться всем глазам,
Не опуская глаз!

Тверская

Вот и мир, где сияют витрины,
Вот Тверская, – мы вечно тоскуем о ней.
Кто для Аси нужнее Марины?
Милой Асеньки кто мне нужней?

Мы идем, оживленные, рядом,
Все впивая: закат, фонари, голоса,
И под чьим-нибудь пристальным взглядом
Иногда опуская глаза.

Только нам огоньками сверкая,
Только наш он, московский вечерний апрель.
Взрослым – улица, нам же Тверская —
Полувзрослых сердец колыбель.

Колыбель золотого рассвета,
Удивления миру, что утром дано...
Вот окно с бриллиантами Тэта,
Вот с огнями другое окно...

Все поймем мы чутьем или верой,
Всю подзвездную даль и небесную ширь!
Возвышаясь над площадью серой
Розовеет Страстной монастырь.

Мы идем, ни на миг не смолкая.
Все родные – слова, все родные – черты!
О, апрель незабвенный – Тверская,
Колыбель нашей юности ты!

В пятнадцать лет

Звенят-поют, забвению мешая,
В моей душе слова: “пятнадцать лет”.
О, для чего я выросла большая?
Спасенья нет!

Еще вчера в зеленые березки
Я убегала, вольная, с утра.
Еще вчера шалила без прически,
Еще вчера!

Весенний звон с далеких колоколен
Мне говорил: “Побегай и приляг!”
И каждый крик шалунье был позволен,
И каждый шаг!

Что впереди? Какая неудача?
Во всем обман и, ах, на всем запрет!
– Так с милым детством я прощалась, плача,
В пятнадцать лет.

Облачко

Облачко, белое облачко с розовым краем
Выплыло вдруг, розовея последним огнем.
Я поняла, что грушу не о нем,
И закат мне почудился – раем.

Облачко, белое облачко с розовым краем
Вспыхнуло вдруг, отдаваясь вечерней судьбе.
Я поняла, что грушу о себе,
И закат мне почудился – раем.

Облачко, белое облачко с розовым краем
Кануло вдруг в беспредельность движеньем крыла.
Плача о нем, я тогда поняла,
Что закат мне – почудился раем.

Розовый домик

Меж великанов-соседей, как гномик
Он удивлялся всему.
Маленький розовый домик,
Чем он мешал и кому?

Чуть потемнеет, в закрытые ставни
Тихо стучит волшебство.
Домик смиренный и давний,
Чем ты смутил и кого?

Там засмеются, мы смеху ответим.
Фея откроет Эдем...
Домик, понятный лишь детям,
Чем ты грешил, перед кем?

Лучшие радости с ним погребли мы
Феи нырнули во тьму...
Маленький домик любимый,
Чем ты мешал и кому?

До первой звезды

До первой звезды (есть ли звезды еще?
Ведь все изменяет тайком!)
Я буду молиться – кому? – горячо,
Безумно молиться – о ком?

Молитва (равно ведь, о ком и кому!)
Растопит и вечные льды.
Я буду молиться в своем терему
До первой, до первой звезды!

Барабан

В майское утро качать колыбель?
Гордую шею в аркан?
Пленнице – прялка, пастушке – свирель,
Мне – барабан.

Женская доля меня не влечет:
Скуки боюсь, а не ран!
Все мне дарует, – и власть и почет
Мой барабан.

Солнышко встало, деревья в цвету...
Сколько невиданных стран!
Всякую грусть убивай на лету,
Бей, барабан!

Быть барабанщиком! Всех впереди!
Все остальное – обман!
Что покоряет сердца на пути,
Как барабан?

В. Я. Брюсову

Улыбнись в мое “окно”,
Иль к шутам меня причисли, —
Не изменишь, все равно!
“Острых чувств” и “нужных мыслей”
Мне от Бога не дано.

Нужно петь, что все темно,
Что над миром сны нависли...
— Так теперь заведено. —
Этих чувств и этих мыслей
Мне от Бога не дано!

Кошки

Максу Волошину

Они приходят к нам, когда
У нас в глазах не видно боли.
Но боль пришла – их нету боле:
В кошачьем сердце нет стыда!

Смешно, не правда ли, поэт,
Их обучать домашней роли.
Они бегут от рабской доли:
В кошачьем сердце рабства нет!

Как ни мани, как ни зови,
Как ни балуй в уютной холе,
Единый миг – они на воле:
В кошачьем сердце нет любви!

Молитва морю

Солнце и звезды в твоей глубине,
Солнце и звезды вверху, на просторе.
Вечное море,
Дай мне и солнцу и звездам отдаться вдвойне

Сумрак ночей и улыбку зари
Дай отразить в успокоенном взоре.
Вечное море,
Детское горе мое усыпи, залечи, раствори.

Влей в это сердце живую струю,
Дай отдохнуть от терпения – в споре.
Вечное море,
В мощные воды твои свой беспомощный дух предаю!

Жажда

Лидии Александровне Тамбурер

Наше сердце тоскует о пире
И не спорит и все позволяет.
Почему же ничто в этом мире
Не утоляет?

И рубины, и розы, и лица, —
Все вблизи безнадежно тускнеет.
Наше сердце о книги пылится,
Но не умнеет.

Вот и юг, — мы томились по зною...
Был он дерзок, — теперь умоляет...
Почему же ничто под луною
Не утоляет?

Душа и имя

Пока огнями смеется бал,
Душа не уснет в покое.
Но имя Бог мне иное дал:
Морское оно, морское!

В круженье вальса, под нежный вздох
Забить не могу тоски я.
Мечты иные мне подал Бог:
Морские они, морские!

Поет огнями манящий зал,
Поет и зовет, сверкая.
Но душу Бог мне иную дал:
Морская она, морская!

Волшебство

Чуть полночь бьют куранты,
Сверкают диаманты,
Инкогнито пестро.
(Опишешь ли, перо,
Волшебную картину?)
Заслышав каватину,
Раздвинул паутину
Лукавый Фигаро.

Коралловые гребни
Вздымаются волшебней
Над клубом серых змей;
Но губки розовей,
Чем алые кораллы.
Под музыку из залы
Румянец бледно-алый
Нахлынул до бровей.

Везде румянец зыбкий,
На потолке улыбки,
Улыбки на стенах...
Откормленный монах
Глядит в бутылку с ромом.
В наречье незнакомом
Беседует с альбомом
Старинный альманах.

Саксонские фигурки
Устраивают жмурки.
“A vous, marquis, veuillez!”¹⁸
Хохочет chevalier¹⁹...
Бесшумней силуэты,
Безумней пируэты,
И у Антуанэты
Срывается колье!

¹⁸ “Ваш черед, маркиз, извольте!” (*фр.*).

¹⁹ Рыцарь (*фр.*).

На возу

Что за жалобная нота
Летней ночью стук телег!
Кто-то едет, для кого-то
Далеко ночлег.

Целый день шумели грабли
На откосе, на лужке.
Вожжи новые ослабли
В молодой руке.

Счастье видится воочью:
В небе звезды, – сны внизу.
Хорошо июльской ночью
На большом возу!

Завтра снова будет круто:
Знай работай, знай молчи.
Хорошо ему, кому-то,
На возу в ночи!

Вождам

Срок исполнен, вожди! На подмости
Вам судеб и времен колесо!
Мой удел – с мальчуганом в матроске
Погонять золотое серсо.

Ураганом святого безумья
Поднимайтесь, вожди, над толпой!
Все безумье отдам без раздумья
За весеннее: “Пой, птичка, пой”.

Июль – апрелю

Как с задумчивых сосен струится смола,
Так текут ваши слезы в апреле.
В них весеннему дань и прости колыбели
И печаль молодого ствола.

Вы листочку сродни и зеленой коре,
Полудети еще и дриады.
Что деревья шумят, что журчат водопады
Понимали и мы – на заре!

Вам струистые кудри клонить в водоем,
Вам, дриадам, кружить по аллее...
Но и нас, своенравные девочки-феи,
Помяните в апреле своем!

Весна в вагоне

Встают, встают за дымкой синей
Зеленые холмы.
В траве, как прежде, маргаритки,
И чьи-то глазки у калитки...
Но этой сказки героини
Апрельские – не мы!

Ты улыбнулась нам, Мария,
(Ты улыбалась снам!)
Твой лик, прозрачней анемоны,
Мы помним в пламени короны...
Но этой встречи феерия
Апрельская – не нам!

Гурзуф, 1 мая 1911

В сквере

Пылают щеки на ветру.
Он выбран, он король!
Бежит, зовет меня в игру.
“Я все игрушки соберу,
Ну, мамочка, позволь!”

“Еще простудишься!” – “Ну да!”
Как дикие бежим.
Разгорячились, – не беда,
Уж подружились навсегда
Мы с мальчиком чужим.

“Ты рисовать умеешь?” – “Нет,
А трудно?” – “Вот так труд!
Я нарисую твой портрет”.
“А рассказать тебе секрет?”
“Скорей, меня зовут!”

“Не разболтаешь? Поклянись!”
Приоткрывает рот,
Остановился, смотрит вниз:
“Ужасно стыдно, отвернись!
Ты лучше всех, – ну вот”.

Уж солнце скрылось на песке,
Бледнеют облака,
Шумят деревья вдалеке...
О, почему в моей руке
Не Колина рука!

После гостей

Вот и уходят. Запели вдали
Жалобным скрипом ворота.
Грустная, грустная нота...
Вот и ушли.

Мама сережки сняла, – почему?
И отстегнула браслеты,
Спрятала в шкафчик конфеты,
Точно в тюрьму.

Красную мебель, отраду детей,
Мама в чехлы одевает...
Это всегда так бывает
После гостей!

Конец сказки

“Тает царевна, как свечка,
Руки сложила крестом,
На золотое колечко
Грустно глядит”. – “А потом?”

“Вдруг за оградой – трубы!
Рыцарь летит со щитом.
Расцеловал ее в губы,
К сердцу прижал”. – “А потом?”

“Свадьбу сыграли на диво
В замке ее золотом.
Время проводят счастливо,
Деток растят”. – “А потом?”

Болезнь

“Полюбился ландыш белый
Одинокой резеде.
Что зеваешь?” – “Надоело!”
“Где болит?” – “Нигде!”

“Забавлял ее на грядке
Болтовнею красный мак.
Что надулся?” – “Ландыш гадкий!”
“Почему?” – “Да так!”

“Видно счастье в этом маке,
Быть у красного в плену!..
Что смеешься?” – “Волен всякий!”
“Баловник!” – “Да ну?”

“Полюбился он невольно
Одинокой резеде.
Что вздыхаешь?” – “Мама, больно!”
“Где болит?” – “Везде!”

В сонном царстве

Скрипнуло... В темной кладовке
Крысы поджали хвосты.
Две золотистых головки,
Шепот: “Ты спишь?” – “Нет, а ты?”

Вот задремала и свечка,
Дремлет в графине вода.
Два беспокойных сердечка,
Шепот: “Уйдем!” – “А куда?”

Добрые очи Страдальца
Грустно глядят с высоты.
Два голубых одеяльца,
Шепот: “Ты спишь?” – “Нет, а ты?”

Бабушкин внучек

Серёже

Шпагу, смеясь, подвесил,
Люстру потрогал – звон...
Маленький мальчик весел:
Бабушкин внучек он!

Скучно играть в портретной,
Девичья ждет, балкон.
Комнаты нет запретной:
Бабушкин внучек он!

Если в гостиной странной
Жутко ему колонн,
Может уснуть в диванной:
Бабушкин внучек он!

Светлый меж темных кресел
Мальчику снится сон.
Мальчик и сонный весел:
Бабушкин внучек он!

Коктебель, 13 мая 1911

Венера

Серее

1. “В небо ручонками тянется...”

В небо ручонками тянется,
Строит в песке купола...
Нежно вечерняя странница
В небо его позвала.

Пусть на земле увядание,
Над колыбелькою крест!
Мальчик ушел на свидание
С самою нежной из звезд.

2. “Ах, недаром лучше хлеба...”

Ах, недаром лучше хлеба
Жадным глазкам балаган.
Темнокудрый мальчуган,
Он недаром смотрит в небо!

По душе ему курган,
Воля, поле, даль без меры...
Он рожден в лучах Венеры,
Голубой звезды цыган.

Коктебель, 18 мая 1911

Контрабандисты и бандиты

Сереже

Он после книги весь усталый,
Его пугает темнота...
Но это вздор! Его мечта —
Контрабандисты и кинжалы.

На наши ровные места
Глядит в окно глазами серны.
Контрабандисты и таверны
Его любимая мечта.

Он странно-дик, ему из школы
Не ждать похвального листа.
Что бедный лист, когда мечта —
Контрабандисты и пистолы!

Что все мирское суeta
Пусть говорит аббат сердитый, —
Контрабандисты и бандиты
Его единая мечта!

Коктебель, Змеиный грот. 1911

Рождественская дама

Серый ослик твой ступает прямо,
Не страшны ему ни бездна, ни река...
Милая Рождественская дама,
Увези меня с собою в облака!

Я для ослика достану хлеба,
(Не увидят, не услышат, – я легка!)
Я игрушек не возьму на небо...
Увези меня с собою в облака!

Из кладовки, чуть задремлет мама,
Я для ослика достану молока.
Милая Рождественская дама,
Увези меня с собою в облака!

Белоснежка

Александру Давидовичу Топольскому

Спит Белоснежка в хрустальном гробу.
Карлики горько рыдают, малютки.
Из незабудок веночек на лбу
И на груди незабудки.

Ворон – печальный сидит на дубу.
Спит Белоснежка в хрустальном гробу.

Плачется карлик в смешном колпаке,
Плачется: “Плохо ее берегли мы!”
Белую ленту сжимает в руке
Маленький карлик любимый.

Средний – печальный играет в трубу.
Спит Белоснежка в хрустальном гробу.

Старший у гроба стоит на часах,
Смотрит и ждет, не мелькнет ли усмешка.
Спит Белоснежка с венком в волосах,
Не оживет Белоснежка!

Ворон – печальный сидит на дубу.
Спит Белоснежка в хрустальном гробу.

Детский день

Утро... По утрам мы
Пасмурны всегда.
Лучшие года
Отравляют гаммы.

Ждет опасный путь,
Бой и бриллианты, —
Скучные диктанты
Не дают вздохнуть!

Сумерки... К вечерне
Слышен дальний звон.
Но не доплетен
Наш венец из терний.

Слышится: “раз, два!”
И летят из детской
Песенки немецкой
Глупые слова.

Приезд

Возгласами звонкими
Полон экипаж.
Ах, когда же вынырнет
С белыми колонками
Старый домик наш!

В экипаже песенки,
(Каждый о своем!)
Вот аллея длинная,
А в конце у лесенки
Синий водоем.

“Тише вы, проказники!”
И творит кресты,
Плачет няня старая.
Ворота, как в праздники,
Настежь отперты.

Вышла за колонки я, —
Радостно до слез!
Аверху качаются
Юные и тонкие
Веточки берез.

Паром

Темной ночью в тарантасе
Едем с фонарем.
“Ася, спишь?” Не спится Асе:
Впереди паром!

Едем шагом (в гору тяжело),
В сонном поле гром.
“Ася, слышишь?” Спит бедняжка,
Проспала паром!

В темноте Ока блеснула
Жидким серебром.
Ася глазки разомкнула...
“Подавай паром!”

Осень в Тарусе

Ясное утро не жарко,
Лугом бежишь налегке.
Медленно тянется барка
Вниз по Оке.

Несколько слов поневоле
Все повторяешь подряд.
Где-то бубенчики в поле
Слабо звенят.

В поле звенят? На лугу ли?
Едут ли на молотьбу?
Глазки на миг заглянули
В чью-то судьбу.

Синяя даль между сосен,
Говор и гул на гумне...
И улыбается осень
Нашей весне.

Жизнь распахнулась, но все же...
Ах, золотые деньки!
Как далеки они, Боже!
Господи, как далеки!

Ока

1. “Волшебство немецкой феерии...”

Волшебство немецкой феерии,
Темный вальс, немецкий и простой...
А луга покинутой России
Зацвели куриной слепотой.

Милый луг, тебя мы так любили,
С золотой тропинкой у Оки...
Меж стволов снуют автомобили, —
Золотые майские жуки.

2. “Ах, золотые деньки...”

Ах, золотые деньки!
Где уголки потайные,
Где вы, луга заливные
Синей Оки?

Старые липы в цвету,
К взрослому миру презренье
И на жаровне варенье
В старом саду.

К Богу идут облака;
Лентой холмы огибая,
Тихая и голубая
Плещет Ока.

Детство верни нам, верни
Все разноцветные бусы, —
Маленькой, мирной Тарусы
Летние дни.

3. “Все у Боженьки – сердце! Для Бога...”

Все у Боженьки – сердце! Для Бога
Ни любви, ни даров, ни хвалы...
Ах, золотая дорога!
По бокам молодые стволы!

Что мне трепет архангельских крылий?
Мой утраченный рай в уголке,
Где вереницею плыли
Золотые плоты по Оке.

Пусть крыжовник незрелый, несладкий, —
Без конца шелухи под кустом!
Крупные буквы в тетрадке,
Поцелуи без счета потом.

Ни в молитве, ни в песне, ни в гимне
Я забвенья найти не могу!
Раннее детство верни мне
И березки на тихом лугу.

4. “Бежит тропинка с бугорка...”

Бежит тропинка с бугорка,
Как бы под детскими ногами,
Все так же сонными лугами
Лениво движется Ока;

Колокола звонят в тени,
Спешат удары за ударом,
И все поют в добром, старом,
О детском времени они.

О, дни, где утро было рай
И полдень рай и все закаты!
Где были шпагами лопаты
И замком царственным сарай.

Куда ушли, в какую даль вы?
Что между нами пролегло?
Все так же сонно-тяжело
Качаются на клумбах мальвы...

5. “В светлом платьице, давно-знакомом...”

В светлом платьице, давно-знакомом,
Улыбнулась я себе из тьмы.
Старый сад шумит за старым домом...
Почему не маленькие мы?

Почернела дождевая кадка,
Вензеля на рубчатой коре,
Заросла крокетная площадка,
Заросли тропинки на дворе...

Не целуй! Скажу тебе, как другу:
Целовать не надо у Оки!
Почему по скошенному лугу
Не помчаться наперегонки?

Мы вдвоем, но, милый, не легко мне, —
Невозвратное меня зовет!
За Окой стучат в каменоломне,
По Оке минувшее плывет...

Вечер тих, – не надо поцелуя!
Уж на клумбах задремал левкой...
Только клумбы пестрые люблю я
И каменоломню над Окой.

На радость

С. Э.

Ждут нас пыльные дороги,
Шалаши на час
И звериные берлоги
И старинные чертоги...
Милый, милый, мы, как боги:
Целый мир для нас!

Всюду дома мы на свете,
Все зовя своим.
В шалаше, где чинят сети,
На сияющем паркете...
Милый, милый, мы, как дети:
Целый мир двоим!

Солнце жжет, – на север с юга,
Или на луну!
Им очаг и бремя плуга,
Нам простор и зелень луга...
Милый, милый, друг у друга
Мы навек в плену!

Герцог Рейхштадтский

Из светлого круга печальных невест
Не раз долетали призывы.
Что нежные губы! Вздымались до звезд
Его молодые порывы!

Что жалобы скрипок, что ночи, как мед,
Что мертвые статуи в парке?
Иному навстречу! Победа не ждет,
Не ждут триумфальные арки.

Пусть пламенем пестрым кипит маскарад,
Пусть шутит с ним дед благосклонный,
Пусть кружатся пары, – на Сене парад,
Парад у Вендомской колонны!

Родному навстречу! Как пламя лицо,
В груди раскаленная лава.
И нежно сомкнула, вручая кольцо,
Глаза ему юная слава.

Зима

Мы вспоминаем тихий снег,
Когда из блеска летней ночи
Нам улыбнутся старческие очи
Под тяжестью усталых век.

Ах, ведь и им, как в наши дни,
Казались все луга иными.
По вечерам в волнисто-белом дыме
Весной тонули и они.

В раю затепленным свечам
Огни земли казались грубы.
С безумной грустью розовые губы
О них шептались по ночам.

Под тихим пологом зимы
Они не плачут об апреле,
Чтобы без слез отчаянья смотрели
В лицо минувшему и мы.

Из них судьба струит на нас
Успокоенье мудрой ночи, —
И мне дороже старческие очи
Открытых небу юных глаз.

Розовая юность

С улыбкой на розовых лицах
Стоим у скалы мы во мраке.
Сгорело бы небо в зарницах
При первом решительном знаке,
И рухнула в бездну скала бы
При первом решительном стуке...
– Но, если б вы знали, как слабы
У розовой юности руки.

Полночь

Снова стрелки обежали целый круг:
Для кого-то много счастья позади.
Подымается с мольбою сколько рук!
Сколько писем прижимается к груди!

Где-то кормчий наклоняется к рулю,
Кто-то бредит о короне и жезле,
Чьи-то губы прошептали: “не люблю”,
Чьи-то локоны запутались в петле.

Где-то свищут, где-то рыщут по кустам,
Где-то пленнику приснились палачи,
Там, в ночи, кого-то душат, там
Зажигаются кому-то три свечи.

Там, над капищем безумья и грехов,
Собирается великая гроза,
И над томиком излюбленных стихов
Чьи-то юные печаются глаза.

Неразлучной в дорогу

Стоишь у двери с саквояжем.
Какая грусть в лице твоём!
Пока не поздно, хочешь, скажем
В последний раз стихи вдвоем.

Пусть повторяет общий голос
Доныне общие слова,
Но сердце на два расколосось.
И общий путь – на разных два.

Пока не поздно, над роялем,
Как встарь, головку опусти.
Двойным улыбкам и печалям
Споем последнее прости.

Пора! завязаны картонки,
В ремни давно затянут плед...
Храни Господь твой голос звонкий
И мудрый ум в шестнадцать лет!

Когда над лесом и над полем
Все небеса замрут в звездах,
Две неразлучных к разным долям
Помчатся в разных поездах.

Бонапартисты

Длинные кудри склонила к земле,
Словно вдова молчаливо.
Вспомнилось, – там, на гранитной скале,
Тоже плакучая ива.

Бедная ива казалась сестрой
Царскому пленнику в клетке,
И улыбался плененный герой,
Глядя пушистые ветки.

День Аустерлица – обман, волшебство,
Легкая пена прилива...
“Помните, там на могиле Его
Тоже плакучая ива.

С раннего детства я – сплю и не сплю —
Вижу гранитные глыбы”.
“Любите? Знаете?” – “Знаю! Люблю!”
“С Ним в заточенье пошли бы?”

“За Императора – сердце и кровь,
Все – за святые знамена!”
Так началась роковая любовь
Именем Наполеона.

Конькобежцы

Асе и Борису

Башлык откинула на плечи:
Смешно кататься в башлыке!
Смеется, – разве на катке
Бывают роковые встречи?

Смеясь над “встречей роковой”,
Светло сверкают два алмаза,
Два широко раскрытых глаза
Из-под опушки меховой.

Все удастся, все фигуры!
Ах, эта музыка и лед!
И как легко ее ведет
Ее товарищ белокурый.

Уж двадцать пять кругов подряд
Они летят по синей глади.
Ах, из-под шапки эти пряди!
Ах, исподлюбья этот взгляд!

.....

Поникли узенькие плечи
Ее, что мчалась налегке.
Ошиблась, Ася: на катке
Бывают роковые встречи!

Первый бал

О, первый бал – самообман!
Как первая глава романа,
Что по ошибке детям дан,
Его просившим слишком рано,

Как радуга в струях фонтана
Ты, первый бал, – самообман.
Ты, как восточный талисман,
Как подвиги в стихах Ростана.

Огни сквозь розовый туман,
Виденья пестрого экрана...
О, первый бал – самообман!
Незаживающая рана!

Старуха

Слово странное – старуха!
Смысл неясен, звук угрюм,
Как для розового уха
Темной раковины шум.

В нем – непонятое всеми,
Кто мгновения экран.
В этом слове дышит время
В раковине – океан.

Домики старой Москвы

Слава прабабушек томных,
Домики старой Москвы,
Из переулочков скромных
Все исчезаете вы,

Точно дворцы ледяные
По мановенью жезла.
Где потолки расписные,
До потолков зеркала?

Где клавесина аккорды,
Темные шторы в цветах,
Великолепные морды
На вековых воротах,

Кудри, склоненные к пыльцам,
Взгляды портретов в упор...
Странно постукивать пальцем
О деревянный забор!

Домики с знаком породы,
С видом ее сторожей,
Вас заменили уроды, —
Грузные, в шесть этажей.

Домовладельцы — их право!
И погибаете вы,
Томных прабабушек слава,
Домики старой Москвы.

“Прости” волшебному дому

В неосвещенной передней я
Молча присела на ларь.
Темный узор на портъере,
С медными ручками двери...
В эти минуты последние
Все полюбилось, как встарь.

Был заповедными соснами
В темном бору вековом
Прежде наш домик любимый.
Нежно его берегли мы,
Дом с небывалыми веснами,
С дивными зимами дом.

Первые игры и басенки
Быстро сменились другим.
Дом притаился волшебный,
Стали большими царевны.
Но для меня и для Асеньки
Был он всегда дорогим.

Зала от сумрака синяя,
Жажда великих путей,
Пренебрежение к науке,
Переплетенные руки,
Светлые замки из инея
И ожиданье гостей.

Возгласы эти и песенки
Чуть раздавался звонок!
Чье-нибудь близко участие?
Господи, может быть счастье?
И через залу по лесенке
Стук убегающих ног...

На вокзале

Два звонка уже и скоро третий,
Скоро взмах прощального платка...
Кто поймет, но кто забудет эти
Пять минут до третьего звонка?

Решено за поездом погнаться,
Все цветы любимой кинуть вслед.
Наимладшему из них тринадцать,
Наистаршему под двадцать лет.

Догонять ее, что станет силы,
“Добрый путь” кричать до хрипоты.
Самый младший не сдержался, милый:
Две слезинки капнули в цветы.

Кто мудрец, забыл свою науку,
Кто храбрец, забыл свое: “воюй!”
“Ася, руку мне!” и “Ася, руку!”
(Про себя тихонько: “Поцелуй!”)

Поезд тронулся – на волю Божью!
Тяжкий вздох как бы одной души.
И цветы кидали ей к подножью
Ветераны, рыцари, пажи.

*Брестский вокзал,
3 декабря 1911*

Из сказки – в сказку

Все твое: тоска по чуду,
Вся тоска апрельских дней,
Все, что так тянулось к небу, —
Но разумности не требуй.
Я до самой смерти буду
Девочкой, хотя твоей.

Милый, в этот вечер зимний
Будь, как маленький, со мной.
Удивляться не мешай мне,
Будь, как мальчик, в страшной тайне
И остаться помоги мне
Девочкой, хотя женой.

Литературным прокурорам

Все таить, чтобы люди забыли,
Как растаявший снег и свечу?
Быть в грядущем лишь горсточкой пыли
Под могильным крестом? Не хочу!

Каждый миг, содрогаясь от боли,
К одному возвращаюсь опять:
Навсегда умереть! Для того ли
Мне судьбою дано все понять?

Вечер в детской, где с куклами сяду,
На лугу паутинную нить,
Осужденную душу по взгляду...
Все понять и за всех пережить!

Для того я (в проявленном – сила)
Все родное на суд отдаю,
Чтобы молодость вечно хранила
Беспокойную юность мою.

В. Я. Брюсову

Я забыла, что сердце в вас – только ночник,
Не звезда! Я забыла об этом!
Что поэзия ваша из книг
И из зависти – критика. Ранний старик,
Вы опять мне на миг
Показались великим поэтом...

1912

“Он приблизился, крылатый...”

Он приблизился, крылатый,
И сомкнулись веки над сияньем глаз.
Пламенная – умерла ты
В самый тусклый час.

Что искупит в этом мире
Эти две последних, медленных слезы?
Он задумался. – Четыре
Выбили часы.

Незамеченный он вышел,
Слово унося важнейшее из слов.
Но его никто не слышал —
Твой предсмертный зов!

Затерялся в море гула
Крик, тебе с душою разорвавший грудь.
Розовая, ты тонула
В утреннюю муть...

Москва, 1912

“Посвящаю эти строки...”

Посвящаю эти строки
Тем, кто мне устроит гроб.
Приоткроют мой высокий
Ненавистный лоб.

Измененная без нужды,
С венчиком на лбу,
Собственному сердцу чуждой
Буду я в гробу.

Не увидят на лице:
“Все мне слышно! Все мне видно!
Мне в гробу еще обидно
Быть как все”.

В платье белоснежном – с детства
Нелюбимый цвет! —
Лягу – с кем-то по соседству? —
До скончанья лет.

Слушайте! – Я не приемлю!
Это – западня!
Не меня опустят в землю,
Не меня.

Знаю! – Все сгорит дотла!
И не приютит могила
Ничего, что я любила,
Чем жила.

Москва, весна 1913

“Идешь, на меня похожий...”

Идешь, на меня похожий,
Глаза устремляя вниз.
Я их опускала – тоже!
Прохожий, остановись!

Прочти – слепоты куриной
И маков набрав букет —
Что звали меня Мариной
И сколько мне было лет.

Не думай, что здесь – могила,
Что я появлюсь, грозя...
Я слишком сама любила
Смеяться, когда нельзя!

И кровь приливала к коже,
И кудри мои вились...
Я тоже *была*, прохожий!
Прохожий, остановись!

Сорви себе стебель дикий
И ягоду ему вслед:
Кладбищенской земляники
Крупнее и слаще нет.

Но только не стой угрюмо,
Главу опустив на грудь.
Легко обо мне подумай,
Легко обо мне забудь.

Как луч тебя освещает!
Ты весь в золотой пыли...
– И пусть тебя не смущает
Мой голос из-под земли.

Коктебель, 3 мая 1913

“Моим стихам, написанным так рано...”

Моим стихам, написанным так рано,
Что и не знала я, что я – поэт,
Сорвавшимся, как брызги из фонтана,
Как искры из ракет,

Ворвавшимся, как маленькие черти,
В святилище, где сон и фимиам,
Моим стихам о юности и смерти,
– Нечитанным стихам!

Разбросанным в пыли по магазинам,
Где их никто не брал и не берет,
Моим стихам, как драгоценным винам,
Настанет свой черед.

Коктебель, 13 мая 1913

“Солнцем жилки налиты – не кровью...”

Солнцем жилки налиты – не кровью —
На руке, коричневой уже.
Я одна с моей большой любовью
К собственной моей душе.

Жду кузнечика, считаю до ста,
Стебелек срываю и жую...
– Странно чувствовать так сильно
и так просто
Мимолетность жизни – и свою.

15 мая 1913

“Вы, идущие мимо меня...”

Вы, идущие мимо меня
К не моим и сомнительным чарам, —
Если б знали вы, сколько огня,
Сколько жизни, растроченной даром,

И какой героический пыл
На случайную тень и на шорох...
— И как сердце мне испепелил
Этот даром истраченный порох!

О летящие в ночь поезда,
Уносящие сон на вокзале...
Впрочем, знаю я, что и тогда
Не узнали бы вы — если б знали —

Почему мои речи резки
В вечном дыме моей папиросы, —
Сколько темной и грозной тоски
В голове моей светловолосой.

17 мая 1913

“Сердце, пламени капризней...”

Сердце, пламени капризней,
В этих диких лепестках,
Я найду в своих стихах
Все, чего не будет в жизни.

Жизнь подобна кораблю:
Чуть испанский замок – мимо!
Все, что неосуществимо,
Я сама осуществляю.

Всем случайностям навстречу!
Путь – не все ли мне равно?
Пусть ответа не дано, —
Я сама себе отвечу!

С детской песней на устах
Я иду – к какой отчизне?
– Все, чего не будет в жизни
Я найду в своих стихах!

Коктебель, 22 мая 1913

“Мальчиком, бегущим резво...”

Мальчиком, бегущим резво,
Я предстала Вам.
Вы посмеивались трезво
Злым моим словам:

“Шалость – жизнь мне, имя – шалость.
Смейся, кто не глуп!”
И не видели усталость
Побледневших губ.

Вас притягивали луны
Двух огромных глаз.
– Слишком розовой и юной
Я была для Вас!

Тающая легче снега,
Я была – как сталь.
Мячик, прыгнувший с разбега
Прямо на рояль,

Скрип песка под зубом, или
Стали по стеклу...
– Только Вы не уловили
Грозную стрелу

Легких слов моих, и нежность
Гнева напоказ...
– Каменную безнадежность
Всех моих проказ!

29 мая 1913

“Я сейчас лежу ничком...”

Я сейчас лежу ничком
– Взбешенная! – на постели.
Если бы Вы захотели
Быть моим учеником,

Я бы стала в тот же миг
– Слышите, мой ученик? —

В золоте и в серебре
Саламандра и Ундина.
Мы бы сели на ковре
У горящего камина.

Ночь, огонь и лунный лик...
– Слышите, мой ученик?

И безудержно – мой конь
Любит бешеную скачку! —
Я метала бы в огонь
Прошлого – за пачкой пачку:

Старых роз и старых книг.
– Слышите, мой ученик? —

А когда бы улеглась
Эта пепельная грудка, —
Господи, какое чудо
Я бы сделала из Вас!

Юношей воскрес старик!
– Слышите, мой ученик? —

А когда бы Вы опять
Бросились в капкан науки,
Я осталась бы стоять,
Заломив от счастья руки.

Чувствуя, что ты – велик!
– Слышите, мой ученик?

1 июня 1913

“Идите же! – Мой голос нем...”

Идите же! – Мой голос нем
И тщетны все слова.
Я знаю, что ни перед кем
Не буду я права.

Я знаю: в этой битве пасть
Не мне, прелестный трус!
Но, милый юноша, за власть
Я в мире не борюсь.

И не оспаривает Вас
Высокородный стих.
Вы можете – из-за других —
Моих не видеть глаз,

Не слепнуть на моем огне,
Моих не чуют сил...
Какого демона во мне
Ты в вечность упустил!

Но помните, что будет суд,
Разящий, как стрела,
Когда над головой блеснут
Два пламенных крыла.

11 июля 1913

Асе

1. “Мы быстры и наготове...”

Мы быстры и наготове,
Мы остры.
В каждом жесте, в каждом взгляде,
в каждом слове. —
Две сестры.

Своенравна наша ласка
И тонка,
Мы из старого Дамаска —
Два клинка.

Прочь, гумно и бремя хлеба,
И воли!
Мы – натянутые в небо
Две стрелы!

Мы одни на рынке мира
Без греха.
Мы – из Вильяма Шекспира
Два стиха.

11 июля 1913

2. “Мы – весенняя одежда...”

Мы – весенняя одежда
Тополей,
Мы – последняя надежда
Королей.

Мы на дне старинной чаши,
Посмотри:
В ней твоя заря, и наши
Две зари.

И прильнув устами к чаше,
Пей до дна.
И на дне увидишь наши
Имена.

Светлый взор наш смел и светел
И во зле.
– Кто из вас его не встретил

На земле?

Охраняя колыбель и мавзолей,
Мы – последнее виденье
Королей.

11 июля 1913

Сергею Эфрон-Дурново

1. “Есть такие голоса...”

Есть такие голоса,
Что смолкаешь, им не вторя,
Что предвидишь чудеса.
Есть огромные глаза
Цвета моря.

Вот он встал перед тобой:
Посмотри на лоб и брови
И сравни его с собой!
То усталость голубой,
Ветхой крови.

Торжествует синева
Каждой благородной веной.
Жест царевича и льва
Повторяют кружева
Белой пеной.

Вашего полка – драгун,
Декабристы и версальцы!
И не знаешь – так он юн —
Кисти, шпаги или струн
Просят пальцы.

Коктебель, 19 июля 1913

2. “Как водоросли Ваши члены...”

Как водоросли Ваши члены,
Как ветви мальмэзонских ив...
Так Вы лежали в брызгах пены,
Рассеянно остановив

На светло-золотистых дынях
Аквамарин и хризопраз
Сине-зеленых, серо-синих,
Всегда полужакрытых глаз.

Летели солнечные стрелы
И волны – бешеные львы.
Так Вы лежали, слишком белый
От нестерпимой синевы...

А за спиной была пустыня
И где-то станция Джанкой...
И тихо золотилась дыня
Под Вашей длинною рукой.

Так, драгоценный и спокойный,
Лежите, взглядом не даря,
Но взглянете – и вспыхнут войны,
И горы двинутся в моря,

И новые зажгутся луны,
И лягут радостные львы —
По наклоненью Вашей юной,
Великолепной головы.

1 августа 1913

Байрону

Я думаю об утре Вашей славы,
Об утре Ваших дней,
Когда очнулись демоном от сна Вы
И богом для людей.

Я думаю о том, как Ваши брови
Сошлись над факелами Ваших глаз,
О том, как лава древней крови
По Вашим жилам разлилась.

Я думаю о пальцах – очень длинных —
В волнистых волосах,
И обо всех – в аллеях и в гостиных —
Вас жаждущих глазах.

И о сердцах, которых – слишком юный —
Вы не имели времени прочесть
В те времена, когда всходили луны
И гасли в Вашу честь.

Я думаю о полутемной зале,
О бархате, склоненном к кружевам,
О всех стихах, какие бы сказали
Вы – мне, я – Вам.

Я думаю еще о горсти пыли,
Оставшейся от Ваших губ и глаз...
О всех глазах, которые в могиле.
О них и нас.

Ялта, 24 сентября 1913

Встреча с Пушкиным

Я поднимаюсь по белой дороге,
Пыльной, звенящей, крутой.
Не устают мои легкие ноги
Выситься над высотой.

Слева – крутая спина Аю-Дага,
Синяя бездна – окрест.
Я вспоминаю курчавого мага
Этих лирических мест.

Вижу его на дороге и в гроте...
Смуглую руку у лба...
– Точно стеклянная на повороте
Продребезжала арба... —

Запах – из детства – какого-то дыма
Или каких-то племен...
Очарование прежнего Крыма
Пушкинских милых времен.

Пушкин! – Ты знал бы по первому взору,
Кто у тебя на пути.
И просиял бы, и под руку в гору
Не предложил мне идти.

Не опираясь о смуглую руку,
Я говорила б, идя,
Как глубоко презираю науку
И отвергаю вождя,

Как я люблю имена и знамена,
Волосы и голоса,
Старые вина и старые троны,
– Каждого встречного пса! —

Полуулыбки в ответ на вопросы,
И молодых королей...
Как я люблю огонек папиросы
В бархатной чаще аллей,

Комедиантов и звон тамбурина,
Золото и серебро,
Неповторимое имя: Марина,
Байрона и болеро,

Ладанки, карты, флаконы и свечи,

Запах кочевий и шуб,
Лживые, в душу идущие, речи
Очаровательных губ.

Эти слова: никогда и навеки,
За колесом – колею...
Смуглые руки и синие реки,
– Ах, – Мариулу твою! —

Треск барабана – мундир властелина —
Окна дворцов и карет,
Рощи в сияющей пасти камина,
Красные звезды ракет...

Вечное сердце свое и служенье
Только ему, Королю!
Сердце свое и свое отраженье
В зеркале... – Как я люблю...

Кончено... – Я бы уж не говорила,
Я посмотрела бы вниз...
Вы бы молчали, так грустно, так мило
Тонкий обняв кипарис.

Мы помолчали бы оба – не так ли? —
Глядя, как где-то у ног,
В милой какой-нибудь маленькой сакле
Первый блеснул огонек.

И – потому что от худшей печали
Шаг – и не больше – к игре! —
Мы рассмеялись бы и побежали
За руку вниз по горе.

1 октября 1913

Аля

*Ах, несмотря на гаданья друзей,
Будущее – непроглядно.
В платьице – твой вероломный Тезей,
Маленькая Ариадна.*

Аля! – Маленькая тень
На огромном горизонте.
Тщетно говорю: не троньте.
Будет день —

Милый, грустный и большой,
День, когда от жизни рядом
Вся ты оторвешься взглядом
И душой.

День, когда с пером в руке
Ты на ласку не ответишь.
День, который ты отметишь
В дневнике.

День, когда летя вперед,
– Своейравно! – Без запрета! —
С ветром в комнату войдет —
Больше ветра!

Залу, спящую на вид,
И волшебную, как сцена,
Юность Шумана смутит
И Шопена...

Целый день – на скакуне,
А ночами – черный кофе,
Лорда Байрона в огне
Тонкий профиль.

Метче гибкого хлыста
Остроумье наготове,
Гневно сдвинутые брови
И уста.

Прелесть двух огромных глаз,
– Их угроза – их опасность —
Недоступность – гордость – страстность
В первый раз...

Благородным без границ

Станет профиль – слишком белый,
Слишком длинными ресниц
Станут стрелы.

Слишком грустными – углы
Губ изогнутых и длинных,
И движенья рук невинных —
Слишком злы.

– Ворожит мое перо!
Аля! – Будет все, что было:
Так же ново и старо,
Так же мило.

Будет – с сердцем не воюй,
Грудь Дианы и Минервы! —
Будет первый бал и первый
Поцелуй.

Будет “он” – ему сейчас
Года три или четыре...
– Аля! – Это будет в мире —
В первый раз.

Феодосия, 13 ноября 1913

“Уж сколько их упало в эту бездну...”

Уж сколько их упало в эту бездну,
Разверстую вдали!
Настанет день, когда и я исчезну
С поверхности земли.

Застынет все, что пело и боролось,
Сияло и рвалось:
И зелень глаз моих, и нежный голос,
И золото волос

И будет жизнь с ее насущным хлебом,
С забывчивостью дня.
И будет все – как будто бы под небом
И не было меня!

Изменчивой, как дети, в каждой мине
И так недолго злой,
Любившей час, когда дрова в камине
Становятся золой,

Виолончель и кавалькады в чаще,
И колокол в селе...
– Меня, такой живой и настоящей
На ласковой земле!

– К вам всем – что мне, ни в чем
не знавшей меры,
Чужие и свои?!
Я обращаюсь с требованием веры
И с просьбой о любви.

И день и ночь, и письменно и устно:
За правду *да* и *нет*,
За то, что мне так часто – слишком грустно
И только двадцать лет,

За то, что мне – прямая неизбежность —
Прощение обид,
За всю мою безудержную нежность,
И слишком гордый вид,

За быстроту стремительных событий,
За правду, за игру...
– Послушайте! – Еще меня любите
За то, что я умру.

8 декабря 1913

“Быть нежной, бешеной и шумной...”

Быть нежной, бешеной и шумной,
– Так жаждать жить! —
Очаровательной и умной, —
Прелестной быть!

Нежнее всех, кто есть и были,
Не знать вины...
– О возмущенье, что в могиле
Мы все равны!

Стать тем, что никому не мило,
– О, стать как лед! —
Не зная ни того, что было,
Ни что придет,

Забыть, как сердце раскололось
И вновь срослось,
Забыть свои слова и голос,
И блеск волос.

Браслет из бирюзы старинной —
На стебельке,
На этой узкой, этой длинной
Моей руке...

Как зарисовывая тучку
Издалека,
За перламутровую ручку
Бралась рука,

Как перепрыгивали ноги
Через плетень,
Забыть, как рядом по дороге
Бежала тень.

Забыть, как пламенно в лазури,
Как дни тихи...
– Все шалости свои, все бури
И все стихи!

Мое свершившееся чудо
Разгонит смех.
Я, вечно-розовая, буду
Бледнее всех.

И не раскроются – так надо —

– О, пожалей! —
Ни для заката, ни для взгляда,
Ни для полей —

Мои опущенные веки.
– Ни для цветка! —
Моя земля, прости навеки,
На все века.

И так же будут таять луны
И таять снег,
Когда промчится этот юный,
Прелестный век.

Феодосия, Сочельник 1913

Генералам двенадцатого года

Сергею

“Вы, чьи широкие шинели...”

Вы, чьи широкие шинели
Напоминали паруса,
Чьи шпоры весело звенели
И голоса.

И чьи глаза, как бриллианты,
На сердце вырезали след —
Очаровательные франты
Минувших лет.

Одним ожесточеньем воли
Вы брали сердце и скалу, —
Цари на каждом бранном поле
И на балу.

Вас охраняла длань Господня
И сердце матери. Вчера —
Малютки-мальчики, сегодня —
Офицера.

Вам все вершины были малы
И мягок – самый черствый хлеб,
О, молодые генералы
Своих судеб!

“Ах, на гравюре полустертой...”

Ах, на гравюре полустертой,
В один великолепный миг,
Я встретила, Тучков-четвертый,
Ваш нежный лик,

И вашу хрупкую фигуру,
И золотые ордена...
И я, поцеловав гравюру,
Не знала сна.

О, как – мне кажется – могли вы
Рукою, полною перстней,
И кудри дев ласкать – и гривы
Своих коней.

В одной невероятной скачке
Вы прожили свой краткий век...
И ваши кудри, ваши бачки
Засыпал снег.

Три сотни побеждало – трое!
Лишь мертвый не вставал с земли.
Вы были дети и герои,
Вы все могли.

Что так же трогательно-юно,
Как ваша бешеная рать?..
Вас златокудрая Фортуна
Вела, как мать.

Вы побеждали и любили
Любовь и сабли острое —
И весело переходили
В небытие.

Феодосия, 26 декабря 1913

В ответ на стихотворение

Горько таить благодарность
И на чуткий призыв отозваться не смей,
В приближении видеть коварность
И где правда, где ложь угадать не сумеи.

Горько на милое слово
Принужденно шутить, одевая ответы в броню.
Было время – я жаждала зова
И ждала, и звала. (Я того, кто не шел, – не виню).

Горько и стыдно скрываться,
Не любя, но цenia и за ценного чувствуя боль,
На правдивый призыв не сумеи отозваться, —
Тяжело мне играть эту первую женскую роль!

<1913 – 1914>

“Ты, чьи сны еще непробудны...”

Ты, чьи сны еще непробудны,
Чьи движенья еще тихи,
В переулок сходи Трехпрудный,
Если любишь мои стихи.

О, как солнечно и как звездно
Начат жизненный первый том,
Умоляю – пока не поздно,
Приходи посмотреть наш дом!

Будет скоро тот мир погублен,
Погляди на него тайком,
Пока тополь еще не срублен
И не продан еще наш дом.

Этот тополь! Под ним ютятся
Наши детские вечера.
Этот тополь среди акаций
Цвета пепла и серебра.

Этот мир невовратно-чудный
Ты застанешь еще, спеши!
В переулок сходи Трехпрудный,
В эту душу моей души.

<1913>

Восклицательный знак

Сам не ведая как,
Ты слетел без раздумья,
Знак любви и безумья,
Восклицательный знак!

Застающий врасплох
Тайну каждого.....
.....
Заключительный вздох!

В небо кинутый флаг —
Вызов смелого жеста.
Знак вражды и протеста,
Восклицательный знак!

<1913>

“Взгляните внимательно и если возможно – нежнее...”

Взгляните внимательно и если возможно – нежнее,
И если возможно – подольше с нее не сводите очей,
Она перед вами – дитя с ожерельем на шее
И локонами до плечей.

В ней – все, что вы любите, все, что, летя вокруг света,
Вы уже не догоните – как поезда ни быстры.
Во мне говорят не влюбленность поэта
И не гордость сестры.

Зовут ее Ася: но лучшее имя ей – пламя,
Которого не было, нет и не будет вовеки ни в ком.
И помните лишь, что она не навек перед вами.
Что все мы умрем...

1913

“В тяжелой мантии торжественных обрядов...”

В тяжелой мантии торжественных обрядов,
Неумолимая, меня не встретить.
На площади, под тысячами взглядов,
Позволь мне умереть.

Чтобы лился на волосы и в губы
Полуденный огонь.
Чтоб были флаги, чтоб гремели трубы
И гарцевал мой конь.

Чтобы церковью сияла позолота,
В раскаты грома превращался гул,
Чтоб из толпы мне юный кто-то
И кто-то маленький кивнул.

В лице младенца ли, в лице ли рока
Ты явишься – моя мольба тебе:
Дай умереть прожившей одиноко
Под музыку в толпе.

Феодосия, 1913

“Вы родились певцом и пажем...”

Вы родились певцом и пажем.
Я – с золотом в кудрях.
Мы – молоды, и мы еще расскажем
О королях.

Настроив лютню и виолу,
Расскажем в золоте сентябрьских аллей,
Какое отвращение к престолу
У королев.

В них – демон самообороны,
Величия их возмущает роль, —
И мой король не выдержит корону;
Как ваш король.

Напрасно перед их глазами
Мы простираемся в земной пыли, —
И – короли – они не знают сами,
Что – короли!

1913

“Макс Волошин первый был...”

Макс Волошин первый был,
Нежно Майенку любил,
Предприимчивый Бальмонт
Звал с собой за горизонт,
Вячеслав Иванов сам
Пел над люлькой по часам:
Баю-баюшки-баю,
Баю Майенку мою.

1913

“В огромном липовом саду...”

В огромном липовом саду,
– Невинном и старинном —
Я с мандолиною иду,
В наряде очень длинном,

Вдыхая теплый запах нив
И зреющей малины,
Едва придерживая гриф
Старинной мандолины,

Пробором кудри разделив...
– Тугого шелка шорох,
Глубоко-вырезанный лиф
И юбка в пышных сборах. —

Мой шаг изнежен и устал,
И стан, как гибкий стержень,
Склоняется на пьедестал,
Где кто-то ниц повержен.

Упавшие колчан и лук
На зелени – так белы!
И топчет узкий мой каблук
Невидимые стрелы.

А там, на маленьком холме,
За каменной оградой,
Навеки отданный зиме
И веющий Элладой,

Покрытый временем, как льдом,
Живой каким-то чудом —
Двенадцатиколонный дом
С террасами, над прудом.

Над каждой колонной в ряд
Двойной взметнулся локон,
И бриллиантами горят
Его двенадцать окон.

Стучаться в них – напрасный труд:
Ни тени в галерее,
Ни тени в залах. – Сонный пруд
Откликнется скорее.

“О, где Вы, где Вы, нежный граф...”

“О, где Вы, где Вы, нежный граф?
О, Дафнис, вспомни Хлою!”
Вода волнуется, приняв
Живое – за бывшее.

И принимает, лепеча,
В прохладные объятья —
Живые розы у плеча
И розаны на платье,

Уста, еще алее роз,
И цвета листьев – очи...
– И золото моих волос
В воде еще золоче.

“О день без страсти и без дум...”

О день без страсти и без дум,
Старинный и весенний.
Девического платья шум
О ветхие ступени...

2 января 1914

“Над Феодосией угас...”

Над Феодосией угас
Навеки этот день весенний,
И всюду удлиняет тени
Прелестный предвечерний час.

Захлебываясь от тоски,
Иду одна, без всякой мысли,
И опустились и повисли
Две тоненьких моих руки.

Иду вдоль гонуэзских стен,
Встречая ветра поцелуи,
И платья шелковые струи
Колеблются вокруг колен.

И скромн ободок кольца,
И трогательно мал и жалок
Букет из нескольких фиалок
Почти у самого лица.

Иду вдоль крепостных валов,
В тоске вечерней и весенней.
И вечер удлиняет тени,
И безнадежность ищет слов.

Феодосия, 14 февраля 1914

С. Э.

Я с вызовом ношу его кольцо
– Да, в Вечности – жена, не на бумаге. —
Его чрезмерно узкое лицо —
Подобно шпаге.

Безмолвен рот его, углами вниз,
Мучительно-великолепны брови.
В его лице трагически слились
Две древних крови.

Он тонок первой тонкостью ветвей.
Его глаза – прекрасно-бесполезны! —
Под крыльями распахнутых бровей —
Две бездны.

В его лице я рыцарству верна.
– Всем вам, кто жил и умирал без страху. —
Такие – в роковые времена —
Слагают стансы – и идут на плаху.

Коктебель, 3 июня 1914

АЛЕ

1. “Ты будешь невинной, тонкой...”

Ты будешь невинной, тонкой,
Прелестной – и всем чужой.
Пленительной амазонкой,
Стремительной госпожой.

И косы свои, пожалуй,
Ты будешь носить, как шлем,
Ты будешь царицей бала —
И всех молодых поэм.

И многих пронзит, царица,
Насмешливый твой клинок,
И все, что мне – только снится,
Ты будешь иметь у ног.

Все будет тебе покорно,
И все при тебе – тихи.
Ты будешь, как я – бесспорно —
И лучше писать стихи...

Но будешь ли ты – кто знает —
Смертельно виски сжимать,
Как их вот сейчас сжимает
Твоя молодая мать.

5 июня 1914

2. “Да, я тебя уже ревную...”

Да, я тебя уже ревную,
Такою ревностью, такой!
Да, я тебя уже волную
Своей тоской.

Моя несчастная природа
В тебе до ужаса ясна:
В твои без месяца два года —
Ты так грустна.

Все куклы мира; все лошадки
Ты без раздумия отдашь —
За листик из моей тетрадки
И карандаш.

Ты с няньками в какой-то ссоре —
Все делать хочется самой.
И вдруг отчаянье, что “море
Ушло домой”.

Не передашь тебя – как гордо
Я о тебе ни повествуй! —
Когда ты просишь: “Мама, морду
Мне поцелуй”.

Ты знаешь, все во мне смеется,
Когда кому-нибудь опять
Никак тебя не удастся
Поцеловать.

Я – змей, похитивший царевну, —
Дракон! – Всем женихам – жених! —
О свет очей моих! – О ревность
Ночей моих!

6 июня 1914

П. Э.

1. “День августовский тихо таял...”

День августовский тихо таял
В вечерней золотой пыли.
Неслись звенящие трамваи,
И люди шли.

Рассеянно, как бы без цели,
Я тихим переулком шла.
И – помнится – тихонько пели
Колокола.

Воображая Вашу позу,
Я все решала по пути:
Не надо – или надо – розу
Вам принести.

И все приготовляла фразу,
Увы, забытую потом. —
И вдруг – совсем неожиданно! – сразу! —
Тот самый дом.

Многоэтажный, с видом скуки...
Считаю окна, вот подъезд.
Невольным жестом ищут руки
На шее – крест.

Считаю серые ступени,
Меня ведущие к огню.
Нет времени для размышлений.
Уже звоню.

Я помню точно рокот грома
И две руки свои, как лед.
Я называю Вас. – Он дома,
Сейчас придет.

“Пусть с юностью уносят годы...”

Пусть с юностью уносят годы
Все незабвенное с собой. —
Я буду помнить все разводы
Цветных обоев.

И бисеринки абажура,

И шум каких-то голосов,
И эти виды Порт-Артура,
И стук часов.

Миг, длительный по крайней мере —
Как час. Но вот шаги вдали.
Скрип раскрывающейся двери —
И Вы вошли.

“И было сразу обаянье...”

И было сразу обаянье.
Склонился, королевски-прост. —
И было страшное сиянье
Двух темных звезд.

И их, огромные, прищуря,
Вы не узнали, нежный лик,
Какая здесь играла буря —
Еще за миг.

Я героически боролась.
— Мы с Вами даже ели суп! —
Я помню заглушенный голос
И очерк губ.

И волосы, пушистей меха,
И – самое родное в Вас! —
Прелестные морщинки смеха
У длинных глаз.

Я помню – Вы уже забыли —
Вы – там сидели, я – вот тут.
Каких мне стоило усилий,
Каких минут —

Сидеть, пуская кольца дыма,
И полный соблюдать покой...
Мне было прямо нестерпимо
Сидеть такой.

Вы эту помните беседу
Про климат и про букву ять.
Такому странному обеду
Уж не бывать.

В пол-оборота, в полумраке
Смеюсь, сама не ожидав:
“Глаза породистой собаки,

– Прощайте, граф”.

“Потерянно, совсем без цели...”

Потерянно, совсем без цели,
Я темным переулком шла.
И, кажется, уже не пели —
Колокола.

17 июня 1914

2. “Прибой курчавился у скал...”

Прибой курчавился у скал, —
Протяжен, пенен, пышен, звонок...
Мне Вашу дачу указал —
Ребенок.

Невольно замедляя шаг
– Идти смелей как бы не вправе —
Я шла, прислушиваясь, как
Скрежещет гравий.

Скрип проезжающей арбы
Без паруса. – Сквозь плющ зеленый
Блеснули белые столбы
Балкона.

Была такая тишина,
Как только в полдень и в июле.
Я помню: Вы лежали на
Плетеном стуле.

Ах, не оценят – мир так груб! —
Пленительную Вашу позу.
Я помню: Вы у самых губ
Держали розу.

Не подымая головы,
И тем подчеркивая скуку —
О, этот жест, которым Вы
Мне дали руку.

Великолепные глаза
Кто скажет – отчего – прищуря,
Вы знали – кто сейчас гроза
В моей лазури.

От солнца или от жары —

Весь сад казался мне янтарен,
Татарин продавал чадры,
Ушел татарин...

Ваш рот, надменен и влекущ,
Был сжат – и было все понятно.
И солнце сквозь тяжелый плющ
Бросало пятна.

Все помню: на краю шэз-лонг
Соломенную Вашу шляпу,
Пронзительно звенящий гонг,
И запах

Тяжелых, переспелых роз
И складки в парусинных шторах,
Беседу наших папирос
И шорох,

С которым Вы, властитель дум,
На розу стряхивали пепел.
– Безукоризненный костюм
Был светел.

28 июня 1914

3. Его дочке

С ласточками прилетела
Ты в один и тот же час,
Радость маленького тела,
Новых глаз.

В марте месяце родиться
– Господи, внемли хвале! —
Это значит быть как птица
На земле.

Ласточки ныряют в небе,
В доме все пошло вверх дном:
Детский лепет, птичий щебет
За окном.

Дни ноябрьские кратки,
Долги ночи ноября.
Сизокрылые касатки —
За моря!

Давит маленькую грудку

Стужа северной земли.
Это ласточки малютку
Унесли.

Жалобный недвижим венчик,
Нежных век недвижен край.
Спи, дитя. Спи, Божий птенчик.
Баю-бай.

12 июля 1914

4. “Война, война! – Кажденья у киотов...”

Война, война! – Кажденья у киотов
И стрекот шпор.
Но нету дела мне до царских счетов,
Народных ссор.

На, кажется, – надтреснутом – канате
Я – маленький плясун.
Я тень от чьей-то тени. Я лунатик
Двух темных лун.

Москва, 16 июля 1914

5. “При жизни Вы его любили...”

При жизни Вы его любили,
И в верности клялись навек,
Несите же венки из лилий
На свежий снег.

Над горестным его ночлегом
Помедлите на краткий срок,
Чтоб он под этим первым снегом
Не слишком дрог.

Дыханием души и тела
Согрейте ледяную кровь!
Но, если в Вас уже успела
Остыть любовь —

К любовнику – любите братца,
Ребенка с венчиком на лбу, —
Ему ведь не к кому прижаться
В своем гробу.

Ах, он, кого Вы так любили
И за кого пошли бы в ад,

Он в том, что он сейчас в могиле —
Не виноват!

От шороха шагов и платья
Дрожавший с головы до ног —
Как он открыл бы Вам объятья,
Когда бы мог!

О женщины! Ведь он для каждой
Был весь – безумие и пыл!
Припомните, с какою жадой
Он вас любил!

Припомните, как каждый взгляд вы
Ловили у его очей,
Припомните бывшие клятвы
Во тьме ночей.

Так и не будьте вероломны
У бедного его креста,
И каждая тихонько вспомни
Его уста.

И, прежде чем отдаться бегу
Саней с цыганским бубенцом,
Помедлите, к ночному снегу
Припав лицом.

Пусть нежно опушит вам щеки,
Растает каплями у глаз...
Я, пишущая эти строки,
Одна из вас —

Неданной клятвы не нарушу
– Жизнь! – Карие глаза твои! —
Молитесь, женщины, за душу
Самой Любви.

30 августа 1914

6. “Осыпались листья над Вашей могилой...”

Осыпались листья над Вашей могилой,
И пахнет зимой.
Послушайте, мертвый, послушайте, милый:
Вы все-таки мой.

Смеетесь! – В блаженной крылатке дорожной!
Луна высока.

Мой – так несомненно и так непреложно,
Как эта рука.

Опять с узелком подойду утром рано
К больничным дверям.
Вы просто уехали в жаркие страны,
К великим морям.

Я Вас целовала! Я Вам колдовала!
Смеюсь над загробною тьмой!
Я смерти не верю! Я жду Вас с вокзала —
Домой.

Пусть листья осыпались, смыты и стерты
На траурных лентах слова.
И, если для целого мира Вы мертвый,
Я тоже мертва.

Я вижу, я чувствую, – чую Вас всюду!
– Что ленты от Ваших венков! —
Я Вас не забыла и Вас не забуду
Во веки веков!

Таких обещаний я знаю бесцельность,
Я знаю тщету.
– Письмо в бесконечность. – Письмо
в беспредельность —
Письмо в пустоту.

4 октября 1914

7. “Милый друг, ушедший дальше, чем за море...”

Милый друг, ушедший дальше, чем за море!
Вот Вам розы – протянитесь на них.
Милый друг, унесший самое, самое
Дорогое из сокровищ земных.

Я обманута и я обокрадена, —
Нет на память ни письма, ни кольца!
Как мне памятна малейшая впадина
Удивленного – навеки – лица.

Как мне памятен просящий и пристальный
Взгляд – поближе приглашающий сесть,
И улыбка из великого Издали, —
Умиряющего светская лесть...

Милый друг, ушедший в вечное плаванье,

– Свежий холмик меж других бугорков! —
Помолитесь обо мне в райской гавани,
Чтобы не было других моряков.

5 июня 1915

“Не думаю, не жалуюсь, не спорю...”

Не думаю, не жалуюсь, не спорю.
Не сплю.
Не рвусь ни к солнцу, ни к луне, ни к морю,
Ни к кораблю.

Не чувствую, как в этих стенах жарко,
Как зелено в саду.
Давно желанного ижданного подарка
Не жду.

Не радуют ни утро, ни трамвая
Звонящий бег.
Живу, не видя дня, позабывая
Число и век.

На, кажется, надрезанном канате
Я – маленький плясун.
Я – тень от чьей-то тени. Я – лунатик
Двух темных лун.

13 июля 1914

“Я видела Вас три раза...”

Я видела Вас три раза,
Но нам не остаться врозь.
– Ведь первая Ваша фраза
Мне сердце прожгла насквозь!

Мне смысл ее так же темен,
Как шум молодой листвы.
Вы – точно портрет в альбоме, —
И мне не узнать, кто Вы.

.....

Здесь всё – говорят – случайно,
И можно закрыть альбом...
О, мраморный лоб! О, тайна
За этим огромным лбом!

Послушайте, я правдива
До вызова, до тоски:
Моя золотая грива
Не знает ничьей руки.

Мой дух – не смирён никем он.
Мы – души различных каст.
И мой неподкупный демон
Мне Вас полюбить не даст.

– “Так что ж это было?” – Это
Рассудит иной Судья.
Здесь многому нет ответа,
И Вам не узнать – кто я.

13 июля 1914

Бабушке

Продолговатый и твердый овал,
Черного платья раструбы...
Юная бабушка! Кто целовал
Ваши надменные губы?

Руки, которые в залах дворца
Вальсы Шопена играли...
По сторонам ледяного лица —
Локоны в виде спирали.

Темный, прямой и взыскательный взгляд.
Взгляд, к обороне готовый.
Юные женщины так не глядят.
Юная бабушка, — кто Вы?

Сколько возможностей Вы унесли
И невозможностей — сколько? —
В ненасытимую прорву земли,
Двадцатилетняя полька!

День был невинен, и ветер был свеж.
Темные звезды погасли.
— Бабушка! Этот жестокий мятеж
В сердце моем — не от Вас ли?..

4 сентября 1914

Подруга

1. “Вы счастливы? – Не скажете! Едва ли...”

Вы счастливы? – Не скажете! Едва ли!
И лучше – пусть!
Вы слишком многих, мнится, целовали,
Отсюда грусть.

Всех героинь шекспировских трагедий
Я вижу в Вас.
Вас, юная трагическая леди,
Никто не спас!

Вы так устали повторять любовный
Речитатив!
Чугунный обод на руке бескровной —
Красноречив!

Я Вас люблю. – Как грозовая туча
Над Вами – грех —
За то, что Вы язвительны и жгучи
И лучше всех,

За то, что мы, что наши жизни – разны
Во тьме дорог,
За Ваши вдохновенные соблазны
И темный рок,

За то, что Вам, мой демон крутолобый,
Скажу прости,
За то, что Вас – хоть разорвись над гробом! —
Уж не спасти!

За эту дрожь, за то – что – неужели
Мне снится сон? —
За эту ироническую прелесть,
Что Вы – не он.

16 октября 1914

2. “Под лаской плюшевого пледа...”

Под лаской плюшевого пледа
Вчерашний вызываю сон.
Что это было? – Чья победа? —
Кто побежден?

Все передумываю снова,
Всем перемучиваюсь вновь.
В том, для чего не знаю слова,
Была ль любовь?

Кто был охотник? – Кто – добыча?
Все дьявольски-наоборот!
Что понял, длительно мурлыча,
Сибирский кот?

В том поединке своеволий
Кто, в чьей руке был только мяч?
Чье сердце – Ваше ли, мое ли
Летело вскачь?

И все-таки – что ж это было?
Чего так хочется и жаль?
Так и не знаю: победила ль?
Побеждена ль?

23 октября 1914

3. “Сегодня таяло, сегодня...”

Сегодня таяло, сегодня
Я простояла у окна.
Взгляд отрезвленной, грудь свободней,
Опять умиротворена.

Не знаю, почему. Должно быть,
Устала попросту душа,
И как-то не хотелось трогать
Мятежного карандаша.

Так простояла я – в тумане —
Далекая добру и злу,
Тихонько пальцем барабания
По чуть звенящему стеклу.

Душой не лучше и не хуже,
Чем первый встречный – этот вот, —
Чем перламутровые лужи,
Где расплескался небосвод,

Чем пролетающая птица
И попросту бегущий пес,
И даже нищая певица
Меня не довела до слез.

Забвенья милое искусство
Душой усвоено уже.
Какое-то большое чувство
Сегодня таяло в душе.

24 октября 1914

4. “Вам одеваться было лень...”

Вам одеваться было лень,
И было лень вставать из кресел.
— А каждый Ваш грядущий день
Моим весельем был бы весел.

Особенно смущало Вас
Идти так поздно в ночь и холод.
— А каждый Ваш грядущий час
Моим весельем был бы молод.

Вы это сделали без зла,
Невинно и непоправимо.
— Я Вашей юностью была,
Которая проходит мимо.

25 октября 1914

5. “Сегодня, часу в восьмом...”

Сегодня, часу в восьмом,
Стремглав по Большой Лубянке,
Как пуля, как снежный ком,
Куда-то промчались санки.

Уже прозвеневший смех...
Я так и застыла взглядом:
Волос рыжеватый мех,
И кто-то высокий — рядом!

Вы были уже с другой,
С ней путь открывали санный,
С желанной и дорогой, —
Сильнее, чем я — желанной.

— Oh, je n'en puis plus, j'étouffe!²⁰ —
Вы крикнули во весь голос,
Размашисто запахнув

²⁰ О, я больше не могу, я задыхаюсь! (фр.).

На ней меховую полость.

Мир – весел и вечер лих!
Из муфты летят покупки...
Так мчались Вы в снежный вихрь,
Взор к взору и шубка к шубке.

И был жесточайший бунт,
И снег осыпался бело.
Я около двух секунд —
Не более – вслед глядела.

И гладила длинный ворс
На шубке своей – без гнева.
Ваш маленький Кай замерз,
О, Снежная Королева.

26 октября 1914

6. “Ночью над кофейной гущей...”

Ночью над кофейной гущей
Плачет, глядя на Восток.
Рот невинен и распущен,
Как чудовищный цветок.

Скоро месяц – юн и тонок —
Сменит алую зарю.
Сколько я тебе гребенок
И колечек подарю!

Юный месяц между веток
Никого не устерег.
Сколько подарю браслетов,
И цепочек, и серег!

Как из-под тяжелой гривы
Блещут яркие зрачки!
Спутники твои ревнивы? —
Кони кровные легки!

6 декабря 1914

7. “Как весело сиял снежинками...”

Как весело сиял снежинками
Ваш – серый, мой – соболий мех,
Как по рождественскому рынку мы

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.